
1955
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XIII, № 1

СПИСОКЪ

ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ ОБЩЕСТВА И АДРЕСОВЪ, ПО КОТОРЫМЪ ВО ИЗБѢЖАНІЕ ЗАДЕРЖКИ НАДЛЕЖИТЪ АДРЕСОВАТЬ КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ.

По дѣламъ Общества:

Предсѣдателю, Якову Владиміровичу Шрамченко.
J. Shramchenko, 609 West 137th Street, Apt. 4
New York 31, N. Y.

По дѣламъ казначея:

Казначею, Юрію Всеволодовичу Соловьеву.
Yury V. Solovieff. 346 West 56th Street, Apt. 2-W.
New York 19, N. Y.

Связь, бюллетени, информація:

Генеральному секретарю Юрію Корнельевичу Дворжицкому,
George C. Dvorjitsky,
634 West 135th Street, New York 31, N. Y.

Комитетъ Помощи:

Владиміру Дмитріевичу Погожеву.
V. D. Pogogeff
141 West 72st Street, New York 23, N. Y.

По дѣламъ Казначея К-та Помощи:

Казначею К-та, Маринѣ Николаевнѣ фонъ Зонъ.
Mrs. M. N. von Sonn
371, 95th Street. Apt 2-D, Brooklyn, 9. N. Y.

Комитетъ по выпискѣ семей морскихъ офицеровъ:

Якову Владиміровичу Шрамченко.
J. Shramchenko, 609 West 137th Street, Apt. 4
New York 31, N. Y.

Историческая комиссія, библіотека, архивъ:

Сергѣю Владиміровичу Гладкому
Serge V. Glad
3604 Broadway, New York 31, N. Y.

Устройство вечеровъ и предпріятій:

Генриху Генриховичу дю Беллэ.
Henry P. du Bellet
324 West 56th Street, New York 19, N. Y.

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ подъ редакціей Ст. лейт. Бар. Г. Н. Таубе 465, Лексингтонъ авеню Нью Іоркъ, С. Ш. А.

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc. G. N. Taube Editor. 465, Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U. S. A.

Vol. XIII. №1 Price $3.00 yearly APRIL, 1955

Содержаніе:

Стр.

Къ 50-лѣтію начала Русско-Японской войны Лейт. Н. Ильинъ 1

Каспійская военная флотилія, 1918 — 1919 . . . 12

Цусима. А. Хорошавинъ 22

Отчетъ о дѣятельности Сибирской Флотиліи, 1921-22г. (Продолженіе) Контръ-адмиралъ Ю. К. Старкъ 37

Тѣни прошлого. П. А. Свѣтликъ 48

Къ 100-лѣтію Крымской кампаніи Князь Я. К. Тумановъ . . . 63

Библіографическія замѣтки. А. М. Чернушевичъ 65

Weyers Flotten Taschnbuch и Совѣтскій флотъ. П. А. В. 67

Письмо въ редакцію.

А. Г. Тарсаидзе 70

Contents:

Page

Commemorating the 50th anniversary from the beginning of the Russian-Japanese war. Lieut. N. Ilyin 1

The Caspian flotilla, 1918 — 1919 12

Tsusima. A. Koroshavine 22

Report on the activities of the Siberian Flotilla during 1921-22. Rear-admiral Y. C. Stark 37

Shadows of the past. P. A. Svetlik 48

One hundred years ago. The Crimean campagne. Prince Y. C. Tumanoff . . . 63

Bibliographical notes. A. M. Chern 65

Weyers Flotten Taschenbuch and the Soviet Navy P. A. W. 67

Letter to the Editor.

A. G. Tarsaidze 70

ВЪ ЭТОМЪ ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ:

100 лѣтъ — съ продолженія Восточной войны, паденія Севастополя и взятія Карса.

50 лѣтъ — Бой при Цусимѣ (14/27 мая).

50 лѣтъ — съ заключенія Портсмутскаго мира.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ истекшемъ, 1954 году редакція, какъ и въ предыдущіе годы, столкнулась съ цѣлымъ рядомъ затрудненій по печатанію и изданію „Записокъ", задержавшихъ своевременный выпускъ и разсылку журнала. Все же, было выпущенно три номера, изъ которыхъ № 1 и № 3 печатались внѣ С. Ш. С. А., а №. 2 въ Нью Іоркѣ.

Въ настоящемъ, 1955 году редакція предполагаетъ опять выпустить три номера и надѣется на поддержку своихъ подписчиковъ и друзей.

Если кѣмъ нибудь изъ подписчиковъ не получены какіе нибудь изъ вышедшихъ номеровъ журнала, то редакція проситъ объ этомъ ее увѣдомить, а также сообщать о перемѣнѣ адреса, такъ какъ бывали случаи что посланные номера журнала возвращались почтой по этой или какимъ нибудь другимъ причинамъ.

ВНИМАНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ ВО ФРАНЦІИ и французскихъ колоніяхъ:

Представителемъ „Морскихъ Записокъ" во Франціи и французскихъ колоніяхъ любезно согласился быть.

Кап. 2р. Владиміръ Владиміровичъ Скрябинъ.

Mr. W. Skriabine
38, Boulevard de la Republique
Boulogne sur Seine (Seine) France

Просьба обращаться къ нему по всѣмъ вопросамъ касающихся „Морскихъ Записокъ".

КЪ 50-ТИ ЛѢТІЮ СЪ НАЧАЛА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

(Докладъ, составленный и прочитанный лейт. Н. Ильинымъ въ Ниццѣ, 14 февраля 1954 г.)

Для своего доклада я воспользовался трудомъ, не подлежавшимъ въ свое время оглашенію, покойнаго Контръ-Адмирала Владиміра Константиновича Пилкина, являвшимся несомнѣннымъ авторитетомъ въ интересующемъ насъ вопросѣ.

Относительно главнаго театра военныхъ дѣйствій въ Русско-Японскую войну повидимому до сихъ поръ не установилось полнаго единогласія. Одни считаютъ главнымъ театромъ то пространство, на которомъ происходили морскія операціи, другіе полагаютъ что центръ тяжести кампаніи находился на поляхъ и сопкахъ Манджуріи.

Кампанія была выиграна, и конечно не случайно, Японіей и потому казалось бы справедливымъ признать, что она выбрала правильно свою операціонную линію.

Гдѣ же проходила эта линія?... Нѣтъ сомнѣній, что главнымъ объектомъ японскихъ операцій служилъ нашъ флотъ. Пока флотъ проявлялъ малѣйшие признаки жизни, японцы не производили высадки на Ляодунскомъ полуостровѣ. Даже когда флотъ нашъ отказался отъ выхода въ морѣ, когда онъ свезъ орудія и команды на сухопутныя батареи, японцы, чтобы уничтожить самую тѣнь его, гибли десятками тысячъ, штурмуя защищавшую остовы нашихъ кораблей крѣпость.

Армія Оямы представляла изъ себя въ то время громадную завѣсу передъ Артуромъ, скрывавшую отъ Главнокомандующаго происходившую въ немъ драму и смыслъ совершавшихся событій. Только энергичная дѣятельность нашей Манджурской арміи могла бы, отвлекая отъ крѣпости часть непріятельскихъ силъ, продолжить ея существованіе, а вмѣстѣ съ ней существованіе флота, главный объектъ японскихъ дѣйствій.

Одна попытка перейти въ наступленіе, попытка, кончившаяся неудачей подъ Вофангоу, дала возможность, по свидѣтельству Коменданта Крѣпости, продержаться ей лишнихъ два мѣсяца.

Побѣда на морѣ — вотъ, слѣдовательно, была конечная цѣль Высшаго Командованія.

Вѣрно оцѣнить обстановку на морскомъ театрѣ, искусно подготовить благопріятныя условія для дѣйствія нашими морскими силами и смѣло выполнить морскую операцію, таковы должны были быть требованія, предъявленныя къ Высшему Командованію въ Русско-Японскую войну.

Стратегическая обстановка на морскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій къ началу войны складывались для насъ неблагопріятно.

Наша эскадра была къ началу войны:

1) Слабѣе численно непріятельскаго флота.

2) Менѣе однородна.

3) Хуже обучена.

4) Хуже укомплектована.

5) Хуже снабжена.

Я ограничиваюсь указаніемъ лишь на слабость нашихъ силъ и не считаю необходимымъ приводить документальныя доказательства этихъ положеній, такъ какъ полагаю, что они достаточно извѣстны и представляются безспорными.

Насъ можетъ однако интересовать главнымъ образомъ соображеніе, были ли должнымъ образомъ учтены Высшимъ Командованіемъ имѣвшіяся на театрѣ войны силы и средства и стратегическая обстановка?

Первая попытка составленія «плана дѣйствій», согласно оффиціальной терминологіи, была предпринята въ 1900 году и заключалась въ обмѣнѣ мнѣній Командующаго морскими и сухопутными силами на Дальнемъ Востокѣ и Начальника Эскадры.

Въ 1901 году въ соображеніе на случай войны съ Японіей принималось, что нашъ флотъ въ Тихомъ океанѣ слабѣе японскаго.

Черезъ два года, по указанію Намѣстника, въ основаніи плана стратегическаго развертыванія войскъ Дальняго Востока было принято что: «при настоящемъ отношеніи силъ нашего и японскаго флотовъ — возможность пораженія нашего флота не допускается» и что «высадка японцевъ въ Инкоу и Кореѣ не мыслима».

Совершенно не ясно, на чемъ была основана такая переоцѣнка нашихъ силъ по сравненію съ японскими. Преимущество японскаго флота въ смыслѣ его численности, качества и рессурсовъ было неоспоримо.

Начиная съ 1902 года подъ предсѣдательствомъ Намѣстника состоялся цѣлый рядъ совѣщаній, на которыхъ было окончательно

установлено, что главной задачей нашего флота являлось не допустить высадку въ Инкоу и на западныхъ берегахъ Кореи.

Для выполненія этой задачи флотъ долженъ былъ, опираясь на Портъ-Артуръ, командовать Печелійскимъ заливомъ, а отрядъ крейсеровъ, «Рюрикъ», «Громобой», «Россія», имѣя базой Владивостокъ, дѣйствовать на путяхъ сообщенія Японіи и противъ ея коммерческаго флота и портовъ съ цѣлью отвлечь на себя часть японскихъ морскихъ силъ.

Начальникъ эскадры, командовавшій ею въ 1902 году, предлагалъ другія основанія для дѣйствія флота. Онъ полагалъ, что флоту необходимо выбрать базой Владивостокъ, удовлетворяющій условіямъ безопасности, такъ какъ «превосходство силъ японцевъ надъ нами громадно» и онъ заранѣе увѣренъ въ «легкости побѣды однороднаго флота надъ нашей эскадрой съ устарѣвшими и не въ боевой исправности судами».

Возраженіе Намѣстника заключалось въ томъ, что хотя онъ и „считаетъ желательнымъ пойти въ Сасебо, чтобы отыскать тамъ непріятельскій флотъ и устроить ему второй «Синопъ», что возможно, т. к. вмѣстѣ съ крейсерами сила эскадры сравнится съ непріятельскимъ флотомъ, но что необходимо взвѣсить, что, отзывая крейсера изъ Владивостока, мы освобождаемъ Японію отъ угрозы ея берегамъ и путямъ сообщенія и этимъ дадимъ возможность сосредоточить ея силы въ одномъ пунктѣ".

Намѣстникъ вообще полагалъ, что „превосходство морскихъ силъ Японіи не такъ ужъ значительно".

Я позволю себѣ остановиться нѣсколько на этомъ вопросѣ. Въ изслѣдованіяхъ русско-японской войны, появившихся въ нашей и иностранной литературѣ, постоянно указывается, что Высшее Командованіе въ Русскомъ флотѣ сдѣлало стратегическую ошибку, выбравъ для флота Портъ-Артуръ какъ базу и ослабивъ силу боевой эскадры отдѣленіемъ отряда крейсеровъ во Владивостокъ.

Ошибка въ выборѣ Артура, какъ базы для Флота, заключалась, по мнѣнію Военно-Морскихъ авторитетовъ, въ томъ, что Владивостокъ, расположенный въ центрѣ, отстоящимъ въ одинаковомъ разстояніи отъ проливовъ, ведущихъ въ Японское море, стратегически выгоднѣе, такъ какъ такое положеніе Владивостока позволило бы флоту, находящемуся въ немъ, оперировать противъ японскихъ береговъ.

Кромѣ того, помимо неудовлетворительныхъ качествъ Артура, какъ порта, самое расположеніе его на полуостровѣ, далеко выдвинутомъ въ море, въ большомъ разстояніи отъ мѣста сосредоточенія нашихъ войскъ, облегчало возможность отрѣзать его съ сухого пути.

Владивостокъ имѣлъ большія преимущества въ смыслѣ обезпеченія связи съ сухопутными нашими силами.

Высшее командованіе, не допуская возможности пораженія нашего флота, переоцѣнило его силы и, выбравъ Артуръ, какъ базу, поставило флотъ въ опасное положеніе, вполнѣ доказанное событіями.

Главное неудобство раздѣленія нашихъ силъ сказалось въ томъ, что чрезвычайно усложнило комбинаціи ихъ совмѣстныхъ дѣйствій. Только одновременныя операціи эскадры и отряда крейсеровъ могли имѣть серьезное послѣдствіе, но на дѣлѣ это оказалось совершенно недостижимымъ.

Планъ войны представляетъ изъ себя трудную и долгую работу. Для выполненія ея необходимъ правильно организованный органъ — Генеральный Штабъ. Всѣ морскія державы имѣютъ въ своей организаціи управленія флотомъ Генеральные Штабы. Какъ извѣстно, до войны наше Морское министерство такого органа или подобія его не имѣло.

Несомнѣнно, что изучить обстановку, обработать имѣемыя свѣдѣнія и свести ихъ въ систему Высшее командованіе, при такомъ положеніи дѣлъ, не имѣло возможности.

Намѣреніе съ нашими силами устроить изъ Сасебо второй Синопъ было бы легкомысленнымъ, если бы не свидѣтельствовало объ отсутствіи свѣдѣній у Намѣстника о Сасебо и японской морской вооруженной силѣ.

Не имѣя необходимаго, правильно организованнаго и подготовленнаго Штаба, Намѣстникъ не имѣлъ вообще правильно организованнаго управленія флотомъ.

Главная неправильность организаціи заключалась въ двоевластіи. Начальникъ эскадры имѣлъ весьма малую самостоятельность и считалъ себя, повидимому, совершенно не отвѣтственнымъ, испрашивая на всѣ случаи приказанія и инструкціи у находившагося на берегу начальника.

Такъ, напримѣръ, эскадра уже послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Японіей, стояла на внѣшнемъ рейдѣ Артура, въ диспозиціи, мѣшавшей стрѣлять многимъ судамъ, съ коммерческими пароходами среди эскадры, не имѣя паровъ, не имѣя сѣтей, грузя уголь при полномъ освѣщеніи, не затушивъ маячныхъ огней, гостепріимно указывавшихъ непріятелю путь на рейдъ, съ личнымъ составомъ, не знавшимъ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній, такъ какъ Высшее командованіе почему-то конфисковало телеграмму, извѣщавшую объ этомъ важномъ событіи.

Миноносцы, бывшіе въ цѣпи, имѣли приказаніе, противно азбукѣ военнаго дѣла, для практики, по одному разу приближаться къ эскадрѣ (рапортъ Начальника эскадры отъ 6-го февраля за № 628), что и дало основаніе принять японскіе миноносцы за свои.

Такая поразительная въ тревожное время обстановка, не давшая возможности эскадрѣ отразить непріятеля и съ первыхъ же часовъ войны передавшая ему въ руки инициативу, объясняется Начальникомъ Эскадры полученнымъ имъ приказаніемъ о „преждевременности большихъ предосторожностей“. (Фраза изъ вышецитированнаго рапорта).

Между тѣмъ, на основаніи статьи 116-ой Морского Устава, флагманъ, „на такихъ рейдахъ, гдѣ можно ожидать нападенія, принимаетъ по своему усмотрѣнію чрезвычайныя предосторожности“.

27 января произошелъ бой нашей эскадры съ японскимъ флотомъ, прекращенный сигналомъ Намѣстника съ Золотой Горы, несмотря на то, что случайно обстановка боя сложилась для насъ благопріятно.

На ночь 28-го января эскадра втянулась на внутренній рейдъ Артура. Высшему командованію приходилось принять какое-нибудь рѣшеніе въ зависимости отъ создавшейся обстановки. Намѣстникъ 8-го февраля отбылъ къ формируемой Манджурской арміи и нашъ флотъ держался совершенно пасивнаго образа дѣйствій. Связь съ непріятелемъ была потеряна, и никто не зналъ гдѣ японскій флотъ. Духу эскадры былъ нанесенъ страшный ударъ внезапной атакой непріятельскихъ миноносцевъ.

Личный составъ не чувствовалъ за собой вины въ происшедшемъ, т. к. сознавалъ, что былъ поставленъ въ условія, при которыхъ нападеніе не могло быть отбито. Довѣріе къ Командованію, недостаточно проницательному, чтобы предусмотрѣть событія, недостаточно осторожному, чтобы предотвратить ихъ, и недостаточно энергичному и смѣлому, чтобы попытаться исправить сдѣланную ошибку, было глубоко подорвано.

Прибытіе 26-го февраля въ Артуръ Командующаго флотомъ, Вице-Адмирала Макарова, было встрѣчено поэтому съ надеждою и энтузіазмомъ.

Новому начальнику предстояла трудная задача оживить тяжело раненную эскадру. Недовѣріе къ вождямъ надлежало возстановить увѣренностью въ славѣ и чести своего оружія.

Подорванныя нравственныя силы скорѣе всего возстанавливаются путемъ небольшихъ сраженій, тщательно подготовленныхъ и внимательно разыгранныхъ. Впечатлѣніе малѣйшаго успѣха бываетъ громадно — такъ учитъ насъ Клаузевицъ.

Вице-Адмиралъ Макаровъ понималъ это. Онъ понималъ, что „доблесть развивается среди дѣятельности и усилій“ (Лееръ).

Рядомъ выходовъ Командующій подготовлялъ встрѣчу съ непріятелемъ и возможность частной побѣды. Онъ принуждалъ японскій флотъ держаться начеку и поднималъ духъ нашей эскадры.

Адмиралъ Макаровъ просилъ опубликовать его намѣреніе ставить мины у береговъ Кореи, какъ бы для предупрежденія иностранныхъ пароходовъ въ этихъ водахъ, но, конечно, все съ той же цѣлью заставить вѣрить и непріятеля, и своихъ, что Русскій Флотъ живъ, что съ нимъ надо считаться.

Въ короткое время, своей доступностью, отвращеніемъ къ показной сторонѣ, желаніемъ быть, а не казаться, умѣніемъ разгадывать людей, а главное своей дѣятельностью, онъ заслужилъ полное довѣріе личнаго состава. Всѣ понимали, что новый Вождь Флота хочетъ и умѣетъ воевать.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ концѣ концовъ Адмиралъ Макаровъ создалъ бы молодой и смѣлый командный элементъ на своей эскадрѣ. Судьба судила иначе. 31-го марта онъ погибъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибли надежды флота на лучшее будущее.

Командованіе морскими силами, послѣ гибели Адмирала Макарова, принялъ временно, до прибытія новаго Командующаго Флотомъ, Адмиралъ Алексѣевъ.

Въ отчетѣ Государю Императору Адмиралъ Алексѣевъ пишетъ (рапортъ No. 1389, отъ 7-го мая): „Характеру покойнаго Адмирала Макарова было присуще увлеченіе боевой обстановкой, что облегчало непріятелю примѣненіе своихъ тактическихъ пріемовъ". Намѣстникъ забылъ, что предшественнику адмирала Макарова не было присуще увлеченіе боевой обстановкой, но это нисколько не затруднило японцамъ примѣненія ихъ тактическихъ пріемовъ.

„Въ число обычныхъ маневровъ командовавшаго флотомъ, — пишетъ дальше адмиралъ Алексѣевъ, — входило передвиженіе эскадры во время бомбардировки въ проходѣ, усиленно обстрѣливаемомъ. При тѣснотѣ этого прохода и рейда, на которомъ маневрировала наша эскадра, безъ намѣренія со своей стороны вступить въ бой, корабли наши подвергались постоянному риску поврежденій отъ непріятельскихъ снарядовъ и отъ аварій, имѣвшихъ, къ сожалѣнію, мѣсто при каждомъ выходѣ эскадры".

Мнѣ представляется приведенное донесеніе не совсѣмъ правильнымъ. Маневрированіе Адмирала Макарова заключалось всегда въ выходѣ на внѣшній рейдъ и намѣреніи принять бой въ случаѣ, если обстановка будетъ благопріятствовать.

Выходы эскадры, помимо моральнаго значенія, имѣли тотъ практическій результатъ, что принуждали непріятеля держать свои силы сосредоточенными, но главное — не позволяли ему начать перевозку арміи.

Что же касается того, что эскадра подвергалась риску отъ непріятельскихъ снарядовъ, то вообще нельзя воевать, не рискуя получить поврежденія отъ непріятеля. Аваріи же доказывли плохую подготовку флота въ мирное время и требовали не стоянки въ гавани, а именно выходовъ.

За періодъ непосредственнаго командованія Флотомъ Адмирала Алексѣева имѣла мѣсто послѣдняя попытка японцевъ заградить „брандерами“ выходъ на внѣшній рейдъ Артура. Попытка эта не удалась, какъ и предыдущія, но флотъ нашъ, обыкновенно выходившій на слѣдующее же утро въ море и тѣмъ доказывавшій непріятелю, что онъ свободенъ и, слѣдовательно опасенъ, на этотъ разъ остался въ гавани, съ намѣреніемъ заставить непріятеля предполагать, что выходъ запертъ, и прекратить свои атаки.

Цѣль была достигнута, непріятель повѣрилъ, что наша эскадра не можетъ выйти, но въ то же время онъ счелъ свои коммуникаціи въ безопасности и черезъ три дня высадилъ армію въ Бидзево.

Почти въ то же время Намѣстникъ отбылъ къ сухопутнымъ войскамъ, передавъ Флотъ своему Начальнику Штаба, Контръ-Адмиралу Витгефту. (23-го апрѣля).

Замѣститель адмирала Макарова всего два дня передъ этимъ выѣхалъ изъ Петербурга. Назначенъ былъ адмиралъ Скрыдловъ.

Адмиралъ Алексѣевъ, вѣроятно, предвидя возможность для Портъ Артура быть отрѣзаннымъ, телеграммой отъ 9-го апрѣля настаивалъ на быстромъ выѣздѣ адмирала Скрыдлова, назначеннагс Высочайшимъ приказомъ отъ 1-го апрѣля. Но адмиралъ Скрыдловъ былъ задержанъ въ Петербургѣ и выѣхалъ лишь 20-го апрѣля, когда было уже поздно. Командующій флотомъ оказался отрѣзаннымъ отъ своего флота, участь котораго послѣ этого находилась въ рукахъ случайныхъ людей.

Приведенный фактъ указываетъ, какія важныя послѣдствія можетъ имѣть вмѣшательство учрежденій, находящихся за тысячи миль отъ театра войны, въ соображенія Высшаго Командованія.

Быть можетъ самому Адмиралу Алексѣеву слѣдовало рѣшиться прибыть въ Артуръ, чтобы принять изъ слабыхъ рукъ адмирала Витгефта морскую вооруженную силу, на которую возлагались такія надежды.

Какъ разъ 3-го іюня прибылъ миноносецъ „Лейтенантъ Бураковъ“, прорвавъ уже во второй разъ блокаду.

Лучшаго случая исправить ошибку и оказаться вновь на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, трудно было найти. Имъ необходимо было воспользоваться. Какъ поступилъ бы въ такихъ обстоятельствахъ Нельсонъ, Сюффренъ, Лазаревъ? Наконецъ, Макаровъ? Сомнѣнья нѣтъ, эти адмиралы не могли бы сидѣть на берегу, когда война рѣшалась на морѣ и флотъ былъ въ опасности.

Для ободренія адмирала Витгефта ему сообщались, большею частью безъ указанія источниковъ, въ категорической формѣ, свѣдѣнія о погибшихъ и о поврежденныхъ судахъ непріятель-

скаго флота, полученныя иногда отъ весьма сомнительныхъ агентовъ и почти всегда оказывавшiяся ложными. Несмотря на тяжелые уроки войны, Высшее Командованiе не научилось составлять свой планъ на основанiи разсчета, а не на основанiи иллюзiй, какъ бы онѣ не были прiятны сами по себѣ.

Адмиралу Витгефту телеграфировали:

„По новѣйшимъ справкамъ подтверждается, что изъ японскихъ броненосцевъ исправны только «Миказа», «Шикишима» и «Яшима». «Фудзи» и «Асахи» не будутъ вполнѣ готовы до полученiя броневыхъ плитъ изъ Америки". (Телеграмма No 20, отъ 9-го iюня).

А 1-го iюня ему телеграфировали: (No 51) „Сообщается составъ японскаго флота: потонули «Хатцузе», «Шикишима», «Iошино», «Мiако». Въ докахь «Фудзи», «Асама», «Ивате», «Якума», «Адзума», «Кассуга». Исправны только «Асахи», «Миказа», «Токива», «Идзуми», «Ниссинъ».

Возвращаюсь къ телеграммѣ No 20, отъ 9-го iюня.

Въ ней указывается, что многiе крейсера тоже сильно повреждены. Общее число погибшихъ миноносцевъ 22, контръ-миноносцевъ 10.

Упорно держится слухъ, будто Японiя построила нѣсколько большихъ транспортовъ, придавъ имъ видъ, издали сходный съ погибшими броненосцами".

Всѣ эти свѣдѣнiя, безусловно невѣрныя и полученныя главнымъ образомъ изъ Лондона, наводятъ на мысль, что ихъ распространялъ сознательно самъ непрiятель, желавшiй во что бы то ни стало выманить нашу эскадру изъ Артура. Намѣстникъ довѣрялъ имъ и вводилъ въ заблужденiе эскадру.

Многочисленныя телеграммы, сообщавшiя свѣдѣнiя о плохомъ, если не критическомъ положенiи японскаго флота, произвели желаемое впечатлѣнiе.

Въ рапортѣ No 39 отъ 2-го iюня адмиралъ Витгефтъ доноситъ: „Разъ признана возможность и необходимость выхода эскадры, хотя и съ рискомъ, выйду по готовности, уповая на Бога. Лично не готовился къ столь отвѣтственной обязанности".

10-го iюня адмиралъ Витгефтъ вывелъ свой флотъ изъ Артура съ наивнымъ намѣренiемъ уничтожить остатки японскаго флота.

Самообольщенiе было такъ велико, что эскадра имѣла по сигналу пары лишь въ половинномъ числѣ котловъ для 10-ти узловаго хода.

Тѣмъ сильнѣе было разочарованiе. Среди судовъ японскаго флота, въ стройномъ порядкѣ приближавшагося къ нашей эскадрѣ,

были ясно видны и «Шикишима», будто бы погибшій и будто бы чинящійся въ докахъ «Фудзи» и «Асахи». Коммерческихъ пароходовъ, декорированныхъ броненосцами, конечно, не оказалось и впоминѣ. Впечатлѣніе было сильное и адмиралъ Витгефтъ его не выдержалъ. Эскадра спѣшно вернулась въ портъ.

«Не считая себя способнымъ флотоводцемъ, — доноситъ адмиралъ Витгефтъ, — командую лишь въ силу случая и необходимости, по мѣрѣ разумѣнія и совѣсти, до прибытія Командующаго флотомъ. Боевыя войска съ опытными генералами отступаютъ, не нанося пораженій. Почему отъ меня, съ совершенно неподготовленною, ослабленной эскадрой, съ 13-ти узловымъ ходомъ, безъ миноносцевъ, ожидаютъ разбитія сильнѣйшаго, отлично подготовленнаго, 17-ти узлового флота непріятеля, съ громаднымъ числомъ миноносцевъ, и несмотря ни на какія обстоятельства. Принятіе боя на такихъ условіяхъ было бы не Синопъ, а Сантъ-Яго,» — намекаетъ адмиралъ Витгефтъ на когда-то такъ гордо звучавшіе слова Намѣстника.

Дальше онъ пишетъ: «Упрековъ я не заслужилъ. Дѣйствовалъ и доносилъ честно и правдиво о положеніи дѣлъ. Постараюсь честно и умереть. Совѣсть въ гибели эскадры будетъ чиста. Богъ проститъ. Потомъ все выяснится». (No. 32, 22-го іюня).

Казалось бы ясно, что злополучнаго адмирала надо было немедленно освободить отъ непосильныхъ для него обязанностей и замѣнить его офицеромъ, вѣрящимъ въ заданную флоту задачу и способнымъ ее выполнить. Такихъ офицеровъ въ Артурѣ, въ соотвѣтствующихъ чинахъ, было два, высказывавшихъ на совѣтѣ за выходъ эскадры.

Но Адмиралъ Алексѣевъ повидимому совершенно не обратилъ вниманія на сущность этого донесенія. Его поразила только непривычная форма. Ему докладывали, что эскадра «совершенно не подготовлена, что напрасно онъ требуетъ того, чего не могутъ сдѣлать сами опытные генералы съ боевыми войсками», что нельзя «издалека» отдавать приказанія и что приказанія эти противорѣчивы.

«Предлагаю въ телеграммахъ вашихъ, — отвѣчалъ Намѣстникъ адмиралу Витгефту, — помѣщать съ большею осмотрительностью только факты и подробности, могущіе имѣть значеніе и интересъ для Его Императорскаго Величества и моихъ соображеній».

Въ скоромъ времени къ аргументамъ Намѣстника, настаивавшаго на выходѣ эскадры изъ Артура, прибавились новые, прилетавшіе на рейдъ съ Волчьихъ Горъ, на которыхъ японцы установили свои батареи. Нѣсколько гранатъ, попавшихъ въ флагманскій броненосецъ «Цесаревичъ», изъ которыхъ одна слегка ранила адмирала Витгефта, заставили его разомъ рѣшиться на выходъ флота.

Адмиралъ выходилъ, не вѣря въ успѣхъ дѣла, задуманнаго не имъ. 28-го іюля эскадра вышла съ личнымъ составомъ, не знавшимъ «своего маневра». Только на рейдѣ былъ сигналъ, что флотъ идетъ по повелѣнію Государя Императора во Владивостокъ. Но какъ онъ туда пойдетъ? Какимъ путемъ? Гдѣ «рандеву» на случай разлученія? Гдѣ будутъ ночью миноносцы? Какимъ условнымъ сигналомъ передается командованіе? Все это составляло для офицеровъ тайну; командѣ, о духѣ которой никто не заботился послѣ гибели адмирала Макарова, передъ выходомъ не было сказано ни слова а ... 28-го іюля нашъ флотъ или то, что носило это тордое и славное названіе, встрѣтился съ флотомъ японскимъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ не столько велъ бой, сколько терпѣлъ его и, при выходѣ выбитаго изъ строя головного корабля, разсыпался во всѣ стороны.

Нравственнаго цемента, связывавшаго кучу кораблей въ одно стройное, единодушное цѣлое, не оказалось.

Адмиралъ Витгефтъ исполнилъ свое обѣщаніе Намѣстнику: постараться «честно умереть» и погибъ въ головѣ своей эскадры, разорванный гранатой.

Стратегическое пораженіе было полное, и указанія, что сраженіе было нерѣшительное, слѣдуетъ признать совершенно неправильнымъ. Дѣйствительно, въ настоящее время ясно, что въ гаваняхъ Портъ Артура погибли только корпуса кораблей, эскадра же погибла 28-го іюля въ бою у Шантунга...

Послѣ стратегическаго пораженія нашего флота, Намѣстнику вновь предстояло рѣшать, какъ дѣйствовать дальше.

Донесеніе младшаго флагмана князя Ухтомскаго, получившаго по наслѣдству командованіе эскадрой, достаточно ясно указывало, что новый вождь также не находился на высотѣ. Возвратившись въ Артуръ онъ телеграфировалъ: «Суда выйти въ море не могутъ». Адмиралъ Алексѣевъ рѣшилъ замѣнить его другимъ офицеромъ. Казалось бы, если Намѣстникъ оставался въ убѣжденіи, что «гибель эскадры въ гавани, въ случаѣ паденія крѣпости, ляжетъ неизгладимымъ пятномъ на Андреевскій флагъ» (телеграмма No. 2634), то слѣдовало бы и выборъ начальника поставить въ зависимость отъ задачи вновь вывести эскадру. Однако назначенъ былъ капитанъ 1-го ранга Виренъ, хотя было извѣстно его мнѣніе, что «флотъ составляетъ съ Артуромъ нераздѣльное цѣлое».

«Присутствіе отряда въ Артурѣ нужно, — доноситъ адмиралъ Виренъ, — чтобы отстоять крѣпость».

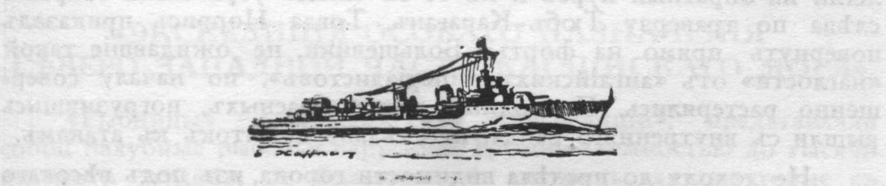
Комментировать соображенія адмирала Вирена въ настоящее время было бы излишнимъ: событія показали ихъ ошибочность.

Они шли ускореннымъ темпомъ, и то, что оставалось отъ нашего флота, возможность пораженія котораго недавно еще не допускалась, скоро было сдано сухопутнымъ генераломъ сухопутнымъ войскамъ Японіи.

Въ русско-японскую войну русскій офицеръ и русскій матросъ проявили въ общемъ тѣ же качества и тѣ же недостатки, какими они отличались и въ предыдущія войны. Русская вооруженная сила является плотью отъ плоти и костью отъ кости русскаго народа. Однѣ у нихъ доблести и однѣ у нихъ слабости. Поэтому если въ ущельяхъ Санъ-Готарда русскій солдатъ побѣждалъ, а на сопкахъ Манджуріи нѣтъ, если прежде Андреевскій флагъ заставлялъ смиряться передъ собой шведовъ, французовъ и турокъ, а теперь самъ спустился передъ флагомъ «Восходящаго Солнца», то, конечно, не потому, что русскій солдатъ, русскій матросъ, русскій человѣкъ не тотъ, что прежде, а потому, что тогда во главѣ его стояли Суворовъ, Ушаковъ, а теперь — иные люди.

И въ эту войну «Варягъ», «Кореецъ», «Стерегущій», «Суворовъ», «Александръ», «Бородино» и многіе другіе корабли съ мрачнымъ и величественнымъ самоотверженіемъ гибли, сражаясь до послѣдней минуты, а корабли Небогатова сдались безъ выстрѣла. На тѣхъ и на другихъ судахъ были тѣ же русскіе люди. Гдѣ же причина геройства въ одномъ случаѣ, малодушія, слабости въ другомъ? Причина ясна: люди были тѣ же, но вожди ихъ были разные.

Лейтенантъ Н. Ильинъ.

Каспійская Военная Флотилія

(Продолженіе)

Между тѣмъ, въ ночь съ 5-го на 6-ое мая изъ форта Александровскаго вышли въ море вооруженные пароходы «Дѣло», «Бомбакъ», «Коломна» и черезъ нѣсколько часовъ миноносцы «Финнъ», «Эмиръ Бухарскій», «Дѣятельный», «Дѣльный» и «Расторопный». Вышли они съ намѣреніемъ уничтожить на разсвѣтѣ ничего не подозрѣвавшихъ англичанъ, которые, по разсчетамъ большевиковъ, должны были мирно болтаться на якоряхъ у о. Чечень. Эти двѣ группы въ условный часъ не могли встрѣтиться изъ-за тумана, и операцію пришлось отложить. Миноносцы и пароходы собрались на, такъ называемомъ, «Двѣнадцати футовомъ рейдѣ» (что миляхъ въ двадцати мористѣе устья Волги, мѣсто, гдѣ начинается входной каналъ въ рѣку), и занялись пріемкой воды и угля.

Въ полночь съ 6-го на 7-ое мая англійская эскадра подъ командой Коммандора Норрисъ подошла, въ свою очередь, къ маяку Тюбъ-Караганъ (входной фортъ) и, опредѣливъ мѣсто, повернула на Нордъ. На траверзѣ группы ост. Кувалы англичане легли на обратный курсъ и къ 10-ти часамъ утра снова открыли слѣва по траверзу Тюбъ-Караганъ. Тогда Норрисъ приказалъ повернуть прямо на фортъ. Большевики, не ожидавшіе такой «наглости» отъ «англійскихъ имперіалистовъ», по началу совершенно растерялись. Подводные лодки красныхъ, погрузившись вышли съ внутренняго рейда, не сдѣлавъ попытокъ къ атакамъ.

Не доходя до предѣла видимости города, изъ подъ вѣсокаго берега, вынеслись большимъ ходомъ, три большихъ, вооруженныхъ 2-37 mm пушками и пулеметами катера, повидимому съ намѣреніемъ атаковать эскадру. Они шли въ разбродъ, а не въ строю, не рѣшаясь приблизиться на пушечный выстрѣлъ и черѣзъ нѣкоторое время повернули обратно.

Англійская эскадра продолжала итти, не стрѣляя, въ кильватерной колоннѣ, приближаясь къ берегу, съ котораго были обстрѣляны полевой батареей. Затѣмъ по кораблямъ открыла огонь находившаяся прямо по курсу эскадры баржа, вооруженная 4-6" орудіями. Снаряды ложились близко вдоль кильватерной колонны, но попаданій не было. Головной корабль англичанъ, «Крюгеръ», открылъ огонь по полевой батареи и принудилъ ее

перемѣнить мѣсто. Она продолжала стрѣлять съ новой позиціи и дала одно попаданіе въ «Крюгеръ», причинившее незначительныя поврежденія. Дойдя до глубины бухты, откуда были видны суда, стоящія у пристаней, «Крюгеръ» открылъ по нимъ огонь. Сразу же ясно были видны попаданія. Большевики долго не отвѣчали, а затѣмъ открыли безпорядочную стрѣльбу. На разстояніи 30 кабельтовыхъ отъ пристаней коммандоръ Норрисъ повернулъ на 90° и весь отрядъ открылъ огонь по кораблямъ и пристанямъ съ отличными результатами. На многихъ пароходахъ вспыхнули пожары (какъ потомъ выяснилось, на одномъ изъ нихъ были погружены 50 минъ загражденія). Были затоплены нѣсколько кораблей, миноносецъ типа «Московитянинъ» и баржа съ 6" орудіями. Вскорѣ взорвался пароходъ съ минами.

Постепенно англійская флотилія вышла изъ боя. На слѣдующій день утромъ, большевистскій отрядъ находившійся въ морѣ, былъ увѣдомленъ по радіо изъ форта о разгромѣ оставшейся флотиліи. Немедленно миноносцы «Финнъ» и «Эмиръ Бухарскій» вышли къ форту Александровскому для провѣрки полученныхъ свѣдѣній. Миноносцы наткнулись на крейсеровавшихъ тамъ англичанъ и послѣ короткой перестрѣлки вернулись на рейдъ. Послѣ такого финала воинственное настроеніе товарищей быстро пошло на убыль. На срочно организованныхъ митингахъ они потребовали возвращенія въ Астрахань. Вскорѣ большіе пароходы были вытребованы изъ Астрахани подъ Царицынъ, осажденный арміей ген. Врангеля.

Боемъ подъ фортомъ Александровскимъ флотъ большевиковъ былъ деморализованъ совершенно и запертъ на всю кампанію въ устьѣ Волги.

«ЭКСПЕДИЦІЯ ОСОБАГО НАЗНАЧЕНІЯ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ КАСПІЙСКАГО МОРЯ»

«Рыбницы» — боевые суда «экспедиціи», представляли собой палубные рыбачьи парусники грузоподъемностью до тысячи пятисотъ пудовъ, въ большинствѣ случаевъ двухмачтовые съ гафельнымъ вооруженіемъ.

Личный составъ расписали по рыбницамъ слѣдующимъ образомъ:

Рыбница № 1. Начальникъ экспедиціи, кап. 1 р. Шубертъ, мичманъ Шейнертъ, инж. мех. мичманъ Литвинюкъ, мичманъ в/в. Цвѣтковъ, кондукторъ Вдовиченко.

Рыбница № 2. Мичманъ А. А. Степановъ, инж. мех. мичманъ Ильинъ, капитанъ арміи Миляшкевичъ, кондукторъ Черный.

Рыбница № 3. Лейтенантъ Шепелевъ, мичманъ в/в. Курицынъ.

Рыбница № 4. Мичманъ Сеньковскій, инж. мех. мичманъ Трейеръ и мичманъ в/в. Завадовскій.

Рыбница № 5. Мичманъ Милькомановичъ, мичманъ в/в. Яхтмовичъ.

Рыбница № 6. Мичманъ Скорописовъ, прапор. п/А. Эгерманъ.

Рыбница № 7. Мичманъ Лавровъ, мичманъ в/в. Спиридоновъ.

Рыбница № 8. Кап. 2 р. Пышновъ (начальникъ второй группы рыбницъ съ № 6 по № 10), поручикъ п/А. Пономаревъ, прапорщикъ п/А. Овсянниковъ, инж. мех. мичманъ Нехорошевъ и капитанъ арміи Микулинъ.

Рыбница № 9. Мичманъ в/в. Никифоровъ, прапорщикъ п/А. Журавлевъ.

Рыбница № 10. Поручикъ п/А. Рутковскій.

Моторный катеръ «Петровскъ». Лейт. Р. Виренъ, мичманъ Вильгельмининъ, инж. мех. мичманъ Колесниковъ.

Вышли мы 18-го мая въ 7 час. вечера и лишь только миновали выходной баканъ, начало свѣжѣть съ Нордъ-Веста. На траверзѣ мыса Сулакъ, около 9-ти час. вечера, лопнули буксиры, и парусникамъ пришлось штормовать по способности. Транспортъ «Востокъ» съ «Петровскомъ» утромъ 19-го былъ уже на мѣстѣ рандеву у острова Чечень. Въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ собирались разбросанныя штормомъ рыбницы. Мичманъ Милькомановичъ очутился даже у Дербента. Здѣсь произошла смѣна лейтенантомъ Татарскимъ лейтенанта Шепелева, назначеннаго Комендантомъ Старо-Теречной.

Отдохнувъ отъ передряги, закончивъ ремонтъ моторовъ «Петровска» и приведя въ порядокъ армаду, 23 - го мая, въ 9 ч. утра, Начальникъ экспедиціи приказалъ сигналомъ сниматься съ якоря. . . Погода улыбалась намъ, былъ ясный весенній день, дулъ легкій ровный Зюйдъ-Остъ. На рейдѣ стояла англійская эскадра. . . Безъ аврала и „туманныхъ картинъ" снимались одинъ за другимъ парусники, вытягивась въ кильватер и проходя среди громадныхъ черныхъ махинъ, на которыхъ грозно блестѣли на солнцѣ дула шестидюймовокъ. Съ изумленіемъ смотрѣли англичане на наши каравеллы, почитая насъ самихъ, въ лучшемъ случаѣ, за поголовно спятившихъ.

Катеръ «Петровскъ», поднявъ Андреевскій флагъ, вышелъ на правый траверзъ кильватерной колонны. Флотилія шла 5-ти узловымъ ходомъ. Наши „территоріальныя воды", англійская эскадра осталась позади, мы входили въ районъ, гдѣ свободно крейсеровали корабли красныхъ — однако, море было пустынно, на горизонтѣ самый острый глазъ не могъ бы обнаружить и признака дыма. Къ ночи стали у Брянска на якорь. Съ разсвѣтомъ воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, парусники вошли въ Брянскъ. «Петровскъ» же, имѣвшій осадку 5 футь, остался въ открытомъ морѣ. 26-го мая лейтенантъ Татарскій былъ отправ-

ленъ съ донесенiемъ на «Петровскѣ» къ Начальнику Каспiйской Флотилiи, а остальной отрядъ вышелъ въ Тушиловку для замѣны части рыбницъ.

Генералъ Драценко, командующiй войсками, наступавшими на Астраханскомъ направленiи (не превышавшими 2000 штыковъ и сабель) велъ это время бои гдѣ-то на побережьѣ моря къ сѣверу отъ пристани Серебряковской. Погрузивъ на рыбницы муку для отряда ген. Драценко и выславъ впередъ на развѣдку мичмана Никифорова и поручика Рутковскаго, 29-го мая въ 6 час. вечера отрядъ вышелъ изъ Тушиловки съ намѣренiемъ на слѣдующ й день достичь линiи фронта. Шли курсомъ Нордъ-Остъ миляхъ въ двадцати отъ берега. Ночь стояла лунная, но небо было облачно, и на поверхности воды полосы свѣта чередовались съ темными пятнами. Дулъ ровный Зюйдъ-Остъ. Около 1 ч. ночи на головной рыбницѣ былъ поднятъ огонь — сигналъ, означавшiй приказанiе „приготовиться встать на якорь". Безшумно скользятъ въ полосѣ луннаго свѣта парусники. Дремлетъ команда, тихо, спокойно кругомъ. Вдругъ, откуда-то изъ темноты, слѣва по носу, блеснули двѣ вспышки пламени и прогремѣли пушечные выстрѣлы. Съ трудомъ можно было различить темный силуетъ однотрубнаго парохода, заходившаго между отрядомъ и берегомъ. Красные принялись энергично разстрѣливать изъ своихъ небольшихъ пушекъ и пулеметовъ нашу «армаду». Люди, не ожидавшiе такой встрѣчи, по началу совершенно опѣшили. Рыбницы, не открывая огня, продолжали итти тѣмъ же курсомъ, пока съ головного не передали голосомъ: «Уходить въ море», и, въ то же время, съ парусника мичмана Степанова заработалъ пулеметъ — это было сигналомъ къ всеобщей стрѣльбѣ отряда изъ винтовокъ и пулеметовъ. Какъ потомъ выяснилось, стрѣльба была удачной — на большевистскомъ кораблѣ среди прислуги пушекъ оказались раненые. Луна скрылась за тучи, наступила темнота и рыбницы, потерявъ другъ друга изъ виду, удирали по способности. Кап. 2 р. Пышновъ и мичманъ Скорописовъ пришли на о-въ Чечень, остальные собрались въ Брянскѣ. Въ итогѣ кромѣ многочисленныхъ дырокъ въ парусахъ, на отрядѣ было ранено двое — инж. мех. мичманъ Ильинъ (тяжело въ голову) и матросъ Леванисовъ. А могло бы быть значительно хуже.

Въ Брянскъ на парусникѣ прибылъ Начальникъ Штаба Отряда генерала Драценко и, по осмотрѣ флотилiи, приказалъ снабдить рыбницы пулеметами, а на № 3 и № 6 умудрились даже установить горныя 3" пушки (конечно, на колесныхъ лафетахъ).

5-го iюня конвоируя 8 транспортныхъ рыбницъ съ провiантомъ для армiи, отрядъ вышелъ въ Бирюзякъ, куда прибылъ безъ всякихъ приключенiй. Изъ Петровска въ Бирюзякъ пришелъ 5-го iюня моторъ «Петровскъ» съ боевыми припасами для фронта, разгрузивъ которые и принявъ нѣсколько сухопутныхъ офицеровъ и пакеты, «Петровскъ» вышелъ обратно.

8-го іюня парусники кап. 2 р. Пышнова и мичмана в/в. Курицына покинули Бирюзякъ, имѣя заданіе произвести въ морѣ развѣдку и выяснить положеніе нашего фронта.

Останавливаясь и осматривая встрѣчныя рыбницы, они узнали, что Логань взята (Логань — большое село, пристань, укрытая стоянка для рыбницъ. Впослѣдствіе постоянное мѣстопребываніе Штаба ген. Драценко). Узнали также, что казаками тамъ захваченъ большевистскій пароходъ. 10 іюня наши развѣдчики подошли къ Логани и обнаружили дозорный пароходъ красныхъ. По подходившимъ рыбницамъ большевики сдѣлали рядъ выстрѣловъ изъ 47 mm орудія и, получивъ, къ своему величайшему изумленію съ одного изъ парусниковъ нѣсколько шрапнелей въ отвѣтъ, почли за благо ретироваться на сѣверъ. 9-го же вечеромъ тронулась изъ Бирюзяка остальная флотилія. Рыбницы имѣли провіантъ для арміи. Двигались они въ строѣ кильватера, стараясь держаться по возможности ближе къ берегу. Глубокосидящіе парусники No 4 и No 6 шли кабельтовыхъ шестидесяти мористѣе. На разсвѣтѣ съ No. 4 и No. 6 обнаружили на Нордъ дымъ. Къ несчастью, быстро штилѣло . . . Поднявъ стеньговые флаги, мичмана Сеньковскій и Скорописовъ приготовились къ бою. Вскорѣ показался силуэтъ однотрубнаго парохода, держащаго на неподвижныя рыбницы. На пароходѣ разивалось большое бѣлое полотнище — это шла захваченная казаками „Екатерина" (небольшой деревянный рѣчной пароходъ). „Екатерина" застопорила машину. Проходившей флотиліи сообщили по семафору о случившемся, и кап. 1 р. Шубертъ, захвативъ съ рыбницы No 1 оркестръ Ширванскаго полка, перебрался на пароходъ. Взявъ парусники на буксиръ, „Екатерина" повернула въ Логань, гдѣ, подъ звуки музыки, стала на якорѣ 11-го іюня.

Въ тотъ же день на Логань были произведены два воздушныхъ налета. Первыми, по ошибкѣ, бросили бомбы англійскіе летчики, а черезъ часъ надъ Логанью кружился красный аппаратъ. Ранили въ этотъ день только одного офицера, подпоручика п/А. Головинскаго. Во время стоянки флотиліи въ Логани, на „Екатеринѣ" была установлена горная 3" пушка и за это время она сдѣлала два рейса въ Бирюзякъ и обратно, перевозя въ тылъ раненыхъ и доставляя въ Логань провіантъ и боевые припасы для арміи. Брошенный красными моторный парусникъ «Михаилъ» былъ также приспособленъ подъ транспортировку въ тылъ раненыхъ, и подъ командованіемъ поручика п/А. Пономарева вышелъ первый разъ на югъ 12-го іюня.

12-го іюня въ Логань были приведены захваченные въ устьѣ Волги два маленькихъ колесныхъ парохода.

13-го іюня, на разсвѣтѣ, вышли въ село Воскресенскъ (устье Волги) на своихъ парусникахъ мичманъ Скорописовъ и мичманъ в/в. Никифоровъ. Въ Воскресенскѣ они узнали, что неподалеку, на Бирючей косѣ, находятся красные матросы съ пулеметами. На

слѣдующій день, на разсвѣтѣ, оба парусника подошли къ Зюйдъ-Вестовой оконечности о-ва Четырехбугорнаго, гдѣ на разстояніи десяти кабельтовыхъ отъ берега мичманъ Скорописовъ сѣлъ на мель. Мичманъ в/в. Никифоровъ высадился благополучно со своей командой на берегъ и, разсыпавшись въ цѣпь (имѣя одинъ пулеметъ), началъ движенье на Бирючью косу. Мичманъ Скорописовъ, выяснивъ отъ мѣстныхъ жителей районъ, занятый красными матросами, и наведя парусникъ при помощи плечъ влѣзшей въ воду команды, открылъ огонь изъ своей трехдюймовки. Въ то же время мичманъ в/в. Никифоровъ атаковалъ большевиковъ на сушѣ и послѣдніе бѣжали. . . Островъ былъ занятъ.

Часовъ въ девять на Зюйдъ-Остѣ показались два дыма и вскорѣ съ рыбницы опознали пароходы красныхъ. Къ этому времени мичману Скорописову удалось стянуть съ мели свой парусникъ, развернувъ который, онъ началъ поджидать подхода пароходовъ поближе. Красные открыли огонь изъ 47 mm артиллеріи, а съ парусника начали отвѣчать изъ трехдюймовки и пулемета. На 11-мъ выстрѣлѣ орудіе „заѣло", продолжалъ работать одинъ пулеметъ. Вскорѣ красные также прекратили огонь и черезъ полчаса ихъ пароходы исчезли за Четырехбугорнымъ. Отъ Четырехбугорнаго мичманъ Скорописовъ направился къ о-ву Воскресенскому, подходя къ которому, онъ наткнуся еще на три парохода, немедленно начавшихъ интенсивный обстрѣлъ рыбницы. Выгрузивъ бездѣйствующее орудіе, мичманъ Скорописовъ покинулъ парусникъ и направился въ село. Пароходы перенесли огонь на Воскресенское, и полусотня черкесовъ, занимавшая селеніе, принуждена была очистить его и отойти. Втащивъ орудіе на телѣгу, мичманъ Скорописовъ отправился по сушѣ въ Логань предупредить флотилію о присутствіи пароходовъ, но никого тамъ не засталъ. Отрядъ уже вышелъ къ Четыремъ Буграмъ. Вернувшись въ Воскресенскъ, мичманъ Скорописовъ нѣсколько позднѣе присоединился на своемъ парусникѣ къ остальной флотиліи.

Между тѣмъ, пароходы, прекративъ обстрѣлъ Воскресенскаго, направились къ Четырехбугорному, занятому мичманомъ в/в. Никифоровымъ съ командой рыбницы. Подпустивъ пароходы вплотную къ берегу, онъ изъ камышей открылъ такой пулеметный огонь, что прислуга орудій была лишена возможности выбѣжать на палубу, и пароходамъ пришлось, давъ задній ходъ, отходить въ море. Не пытаясь обстрѣливать берегъ, они скрылись за маякомъ.

14-го іюня флотилія вышла изъ Логани къ Четырехбугорному въ слѣдующемъ составѣ:

п/х. „Екатерина" — командиръ, кап. 2 р. Пышновъ, офицеры: мичманы Сенковскій, Лавровъ, инж. мех. мичм. Литвинюкъ, мичм. в/в. Завадовскій.

катеръ „Сыновья" — кап. 1 р. Шубертъ, мичманы Степановъ, Масловъ, инж. мех. мичм. Трейеръ, кап. арміи Миляшкевичъ.

катеръ "Ретвизанъ" — мичманъ Шейнертъ, инж. мех. мичм. Нехорошевъ, мичм. в/в. Спиридоновъ, кондукторъ Черный.

Рыбницы № 3 и № 5 и рыбница мичмана Чехетова.

Въ морѣ флотилія никого не встрѣтила и благополучно вошла въ устье Волги. На о-вѣ Четырехбугорномъ былъ пойманъ и повѣшенъ какой-то комиссаръ. Въ то же время въ Воскресенскъ прибылъ и сдался моторный катеръ „Крѣпышъ", который былъ переданъ въ распоряженіе капитана Миляшкевича.

Днемъ 14-го флотилія получила свѣдѣнія о прорывѣ нашего фронта. Части начали быстро отходить на Логань. Въ Волгѣ появилось много вооруженныхъ пароходовъ, и кап. 1 р. Шубертъ получилъ приказъ ген. Драценко оставить островъ и возвращаться въ Логань. Ночью, бросивъ рыбницы, пароходы вышли обратно. Въ тотъ же день пришелъ въ Логань съ боевыми припасами для арміи моторный катеръ „Петровскъ", а 15-го сталъ на якорь въ виду Логани транспортъ „Кизилъ-Агачъ" (лейт. Шепелевъ) съ грузами для арміи.

Море въ этотъ день представляло необычайную картину: съ разсвѣтомъ, вслѣдъ за флотиліей капитана 1. р. Шуберта двинулись на югъ сотни парусниковъ — это мирное населеніе покидало свои деревни передъ приходомъ большевиковъ.

Вечеромъ „Петровскъ" вышелъ обратно и слѣдомъ за нимъ снялся „Кизилъ-Агачъ".

17-го іюня аппаратъ красныхъ сбросилъ бомбы надъ Логанью — потерь не было. Въ ночь съ 18-го на 19-ое изъ Логани вышли пароходы: „Ретвизанъ", „Сыновья" и „Екатерина". Первые два направились въ Бирюзякъ. „Екатерина", имѣя раненыхъ, легла прямо на Зюйдъ.

Деревянный рѣчной пароходъ благополучно совершилъ полуторасуточный переходъ открытымъ моремъ, и 19-го ночью „Екатерина" была въ Петровскѣ. Населеніе съ любопытствомъ осматривало первый вооруженный пушкой пароходъ Добровольцевъ, казавшійся, по началу, для всѣхъ дредноутомъ. Погрузивъ снаряды, провіантъ и принявъ топливо, „Екатерина" 22-го іюня вышла въ свой послѣдній походъ. У мыса Сулакъ она встрѣтила „Ретвизана", пробиравшагося въ Петровскъ и заходившаго по пути въ Брянскъ, Тушиловку и на о. Чечень. У о-ва Бирюзякъ къ „Екатеринѣ" присоединился катеръ „Сыновья". 23-го іюня, въ 18 ч., подходя къ Логани они встрѣтили пароходъ красныхъ, вооруженный 75 mm. пушками. Послѣ короткаго боя, заставивъ большевиковъ уйти на сѣверъ, „Екатерина" очистила себѣ путь и вошла въ Логань. Ген. Драценко информировалъ начальника экспедиціи о твердомъ положеніи на фронтѣ и предполагаемомъ, въ самомъ ближайшемъ будущемъ, генеральномъ наступленіи на Астрахань.

24-го вечеромъ наши моряки совершенно неожиданно узнали о прорывѣ фронта и оставленіи къ утру Логани. Ночью ни одного казака въ Логани уже не было. Погрузивъ раненыхъ и часть брошеннаго казеннаго имущества, „Екатерина“ и „Сыновья“ приготовились къ походу. Предоставивъ ввѣренному ему отряду прорываться съ помощью Николая Угодника, кап. 1 р. Шубертъ вышелъ въ предразсвѣтной мглѣ на маленькой шлюпкѣ. Камышами и каналами, въ полной безопасности, онъ добрался до расположеній своихъ частей. Съ восходомъ солнца, съ колокольни обнаружили, кабельтовыхъ въ 40 отъ берега, у самого входа въ Логанскій каналъ, семь вооруженныхъ пароходовъ и баржу съ шестидюймовыми орудіями. Немного сѣвернѣе Логани уже шла высадка красныхъ. Большевики открыли огонь, какъ только „Екатерина“ и „Сыновья“ показались въ каналѣ. Продолжать итти тѣмъ же курсомъ съ разсчетомъ разойтись бортъ о бортъ съ красными, было явнымъ безуміемъ. Корабли сразу же попали въ „накрытіе“ и десятки снарядовъ рвались порой у самыхъ бортовъ, но по какому-то счастью, однако, никого не задѣвая. Незавидно было положеніе раненныхъ, вповалку лежавшихъ на палубѣ „Екатерины“. Можно себѣ представить, что пришлось пережить имъ за это время...

Оставалось одно — пытаться прорваться такъ называемымъ Мангутскимъ проходомъ (мелководнымъ проливомъ отдѣлявшимъ Логань отъ материка) и кап. 2 р. Пышновъ приказалъ повернуть въ проливъ между островами. Глубина прохода оказалась совершенно недостаточной, и вскорѣ оба парохода прочно застряли на грунтѣ. Размѣстивъ раненыхъ на шлюпкахъ и мелкихъ рыбницахъ, ихъ отправили на югъ мелководными протоками, а частью и подъ самыми берегами, внѣ досягаемости пушекъ красной флотиліи.

Захвативъ только винтовки, офицеры и команда покинули корабли Вскорѣ-же „Екатерина“ и „Сыновья“ запылали костромъ, раздалось нѣсколько взрывовъ и отъ кораблей ничего не осталось *). Отрядъ не могъ задерживатся въ Логани. Далеко впереди отходила своя кавалерія, позади по пятамъ шли красные. Догонять свои части пришлось по безводнымъ солончаковымъ астраханскимъ степямъ, гдѣ вмѣсто травы росли лишь камыши. Пройти форсированнымъ маршемъ, подъ палящими лучами солнца 80 верстъ, не имѣя воды, было большимъ мученіемъ.

Босыми и оборванными прибыли чины экспедиціи въ Петровскъ, гдѣ уже находился кап. 1. р. Шубертъ.

Итакъ, его авантюра кончилась, и кончилась сравнительно счастливо, ибо въ этомъ „покушеніи съ негодными средствами“ легко могли бы быть загублены, безъ всякой пользы для дѣла, десятки цѣнныхъ жизней...

*) «Екатерина», къ тому же, имѣла трюмы, загруженные авіаціонными бомбами.

ПРИБЫТІЕ НОВЫХЪ ОФИЦЕРОВЪ ИЗЪ ДОБРАРМІИ. БѢГСТВО ОТЪ БОЛЬШЕВИКОВЪ РЫБАКОВЪ АСТРАХАНЦЕВЪ. ПРИБЫТІЕ ВЪ БАКУ ПЕРВЫХЪ ПАРОХОДОВЪ.

Въ іюнѣ англичане получили директивы приступить къ постепенной ликвидаціи флотиліи, и кап. 1 р. Сергѣевъ началъ переговоры о передачѣ судовъ русскому командованію. Тогда же онъ организовалъ морской штабъ, помѣстившійся въ бывшей гостиницѣ «Марксъ». Начальникомъ штаба былъ назначенъ кап. 2 р. Апушкинъ; появилось оперативное отдѣленіе — стар. лейт. князь Тумановъ, распорядительное — лейт. Витте, Личнаго состава — лейт. Каменскій. Начальникъ Службы Связи кап. 2 р. баронъ Фитингофъ приступилъ къ установкѣ на побережьѣ ряда наблюдательныхъ постовъ и небольшихъ радіостанцій. Лейт. Буцкой отправился въ область Войска Уральскаго для налаживанія связи съ этимъ промежуточнымъ этапомъ между Добрарміей и адмираломъ Колчакомъ, а также для установки тамъ (въ Гурьевѣ) мощной радіостанціи.

Капитанъ 1 р. Шубертъ былъ откомандированъ изъ Каспія. Весь личный составъ экспедиціи, хотя и не взявшей Астрахани, но все таки оказавшей много и очень много цѣнныхъ услугъ арміи, отрѣзанной сотнями верстъ пустыни отъ своихъ базъ, не скрывалъ своей радости по случаю этихъ перемѣнъ. «Бутафорія» осталась въ прошломъ, впереди предстояла уже серьезная и отвѣтственная работа на большихъ, приспособленныхъ къ бою корабляхъ. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ минуты, когда можно будетъ вступить на палубы этихъ громадъ (какими они намъ казались) въ роли полноправныхъ хозяевъ, чтобы, наконецъ, увидѣвъ въ морѣ «дымъ на горизонтѣ», не ждать смерти, улепетывая подъ парусомъ, а ждать момента, когда отчеты дальномѣра появятся на дискахъ прицѣловъ орудій. Подъемъ и желаніе какъ можно скорѣе схватиться съ врагомъ были такъ велики и единодушны, что сравнить ихъ можно только съ духомъ, царившимъ въ началѣ Великой Войны.

Въ іюнѣ же мѣсяцѣ личный составъ Флотиліи быстро сталъ увеличиваться. Гененералъ Деникинъ отдалъ приказъ объ откомандированіи съ фронта въ Каспійскую Военную Флотилію всѣхъ морскихъ офицеровъ, и съ открытіемъ желѣзнодорожнаго сообщенія, группами и въ одиночку, начали они прибывать въ Портъ Петровскъ. Это былъ въ высшей степени цѣнный кадръ, люди сплошь обстрѣлянные, съ боевымъ опытомъ, и они въ послѣдствіи создали тѣ условія, при которыхъ служить и воевать казалось легко. Удивительная спайка, отличавшая офицеровъ флотиліи, была воспринята твердымъ сознаніемъ, что въ тяжелыя минуты ихъ никто, никогда и нигдѣ не броситъ.

Многіе изъ офицеровъ балтійцевъ, вслѣдствіе несчастливо сложившихся обстоятельствъ, принуждавшихъ ихъ служить у красныхъ въ Астрахани, пытались бѣжать къ намъ, но не многимъ судьба улыбнулась и они достигли цѣли. Три четверти бѣжавшихъ, переловленные чекистами, покончили разсчеты съ жизнью . . .

Въ іюнѣ и въ іюлѣ, заслышавъ о созданіи бѣлой флотиліи, начали прибывать въ Петровскъ на своихъ парусникахъ рыбаки астраханцы. Въ большинствѣ своемъ зажиточные люди, съ патріархальнымъ укладомъ жизни, не тронутые фабрикой и городомъ, они ненавидѣли звѣриной ненавистью большевиковъ, разорившихъ промысла, разрушившихъ все то, что въ ихъ глазахъ было свято. Эти природные моряки дали флотиліи надежныхъ и храбрыхъ матросовъ добровольцевъ.

Являлись они цѣлыми кланами, гдѣ старшему было подъ шестьдесятъ, а младшему лѣтъ десять. И очень быстро число добровольцевъ матросовъ дошло до двухъ тысячъ.

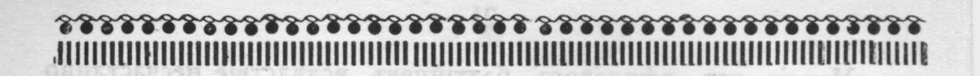
Въ іюнѣ изъ Баку пришли небольшіе колесные пароходы полуморского типа: «Арагъ», «Кизилъ-Агачъ» и винтовой буксиръ «Наргенъ», переименованный въ «Доброволецъ». Всѣ они были уведены при помощи какихъ-то таинственныхъ манипуляцій изъ подъ самаго носа полиціи и прочей охраны правительства независимой Азербейджанской республики, находившейся почти въ состояніи войны съ Добрарміей.

На «Арагѣ» сейчасъ же приступили къ работамъ по крѣпленію корпуса для установки двухъ доисторическихъ 75 mm. англійскихъ пушекъ (съ дальностью около 30 кабельтовыхъ). На «Добровольцѣ» рѣшили установить такую же 75 mm. и одну 47 mm. *). Къ 1-му іюля на «Арагѣ» закончили всѣ работы. Лейт. Н. А. Мацылевъ былъ назначенъ командиромъ, и въ его распоряженіе были переведены слѣдующіе офицеры: мичманы — Сукинъ, Малиновскій, Овсянниковъ, Ласскій, мичманъ инж. мех. Зубковъ и прапорщикъ Подлуцкій.

«Кизилъ-Агачъ», въ качествѣ транспорта, совершалъ регулярные рейсы между Петровскомъ — Бирюзякомъ — Логанью, доставляя арміи различные грузы и вывозя съ фронта раненыхъ (въ то время комендантомъ на немъ былъ лейт. Шепелевъ).

(Продолженіе слѣдуетъ)

*) Командиръ: мичманъ Шейнертъ и мичманъ баронъ Медемъ.

А. И. Хорошавинъ.

«ЦУСИМА»

Памяти участниковъ Цусимскаго боя.

Полвѣка отдѣляютъ насъ отъ страшныхъ событій, обрушившихся на Россію въ тревожные годы Русско-Японской войны 1904-1905 г.г.; много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда въ далекихъ пучинахъ Корейскаго пролива погибла въ неравномъ бою эскадра Адмирала Рожественскаго. Все дальше и дальше уноситъ отъ насъ безжалостное время эти историческія событія, рѣдѣютъ ряды участниковъ ихъ, но память о Цусимской катастрофѣ не тускнѣетъ, и каждый годъ морскія семьи, въ разныхъ мѣстахъ своего разсѣянія, и русские люди, которымъ дорого наше прошлое и которые также болѣютъ воспоминаніями о Цусимѣ, собираются въ памятные скорбные дни, чтобы молитвенно почтить память тѣхъ, кто въ безнадежной борьбѣ жертвенно и безропотно отдали свои жизни во имя Родины. Я считаю своимъ долгомъ посвятить настоящія строки памяти героевъ-мучениковъ Цусимы.

⁂

Исторія Посылки Эскадры

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что со времени Петра Великаго, ни одна война не была въ такой степени борьбой за будущее Россіи, какъ Русско-Японская война 1904 - 1905 гг. Россія исторически стремилась прочно утвердиться на Печилійскомъ заливѣ и найти въ его свободныхъ гаваняхъ свой естественный выходъ къ незамерзающему Великому и Тихому океану. Уклониться отъ этого историческаго пути Россія не могла. Но главнымъ препятствіемъ на пути къ русскому преобладанію на Дальнемъ Востокѣ была Японія. Ростъ русской мощи тревожилъ не только Японію, но и другія державы, главнымъ образомъ Англію, которая поспѣшила заключить въ 1902 году союзъ съ Японіей.

Идея войны съ Россіей возникла въ японской народной психологіи задолго до 1904 года; такъ, англійскій писатель Хирнъ, описывая возвращеніе японскихъ войскъ послѣ войны съ Китаемъ

въ 1895 году, отмѣчаетъ, какъ нѣчто естественное, слова стараго японца о мертвыхъ, которые вернутся изъ Китая и Кореи: „Они придутъ, придутъ и тѣ, которые покоятся въ морскихъ глубинахъ. Они услышатъ зовъ въ тотъ день, когда Сыны Неба двинутся противъ Россіи".

Японія съ лихорадочной энергіей готовилась къ войнѣ съ Россіей: она увеличила въ два раза свою армію и построила на верфяхъ своей союзницы Англіи перво\u043aтассный флотъ. Россія же, со своей одноколейной Сибирской желѣзной дорогой могла быть готова къ войнѣ лишь къ 1906 году.

Но самая возможнотть японскихъ операцій на материкѣ всецѣло зависела отъ того, кто будетъ господствовать на морѣ. Русскій Флотъ на Востокѣ въ то время представлялъ значительную силу, но Японія имѣла численное преобладаніе первоклассн.ми кораблями и огромное преимущество въ обладаніи рядомъ морскихъ базъ, въ то время, какъ у Россіи ихъ было всего двѣ — Портъ Артуръ и Владивостокъ. Не дождавшись окончанія начатыхъ въ С. Петербургѣ переговоровъ о размежеваніи вліянія на Дальнемъ Востокѣ, Японія, безъ объявленія войны, вѣроломнымъ нападеніемъ на нашу Портъ - Артурскую эскадру, начала военныя дѣйствія противъ Россіи.

Наша неподготовленность къ войнѣ на сухопутномъ фронтѣ сейчасъ же и сказалась: мы начали терпѣть пораженіе за пораженіемъ, а на морѣ насъ преслѣдовали фатальныя неудачи — погибъ блестящій адмиралъ Макаровъ, отъ мины пострадалъ бр. „Побѣда", нѣсколько нашихъ кораблей было подорвано, на собственныхъ минахъ взорвался крейсеръ „Бояринъ" и минный транспортъ „Енисей", сѣлъ на камни крейсеръ „Богатырь", и эскадра фактически сошла со сцены на два мѣсяца.

Постоянное отступленіе нашей арміи внушало тревогу и недовѣріе къ возможному повороту къ лучшему. Вся Россія начинала понимать значеніе обладанія моремъ въ этой войнѣ, и всѣ надежды возлагались на флотъ, ибо успѣхъ на морѣ сулилъ побѣду и на сухопутномъ фронтѣ. И когда 28-го іюля Портъ-Артурская эскадра, получивъ приказаніе слѣдовать во Владивостокъ, вынуждена была послѣ боя и смерти отъ случайнаго снаряда адмирала Витгефта, частично вернуться въ Портъ-Артуръ, возникла мысль о необходимости посылки эскадры въ дальне-восточныя воды и въ морскихъ кругахъ называли имя адмирала Рожественскаго, какъ будущаго Начальника 2-й Тихоокеанской эскадры.

Самъ адм. Рожественскій, до котораго доходили эти предположенія, писалъ, между прочимъ, своему другу, барону М. Р. Энгельгарду:

Петербургъ
3 іюня 1904 года

Дорогой Максимиліанъ Рудольфовичъ!

Спасибо Тебѣ отъ всей души за теплое хорошее письмо Твое. Хоть это еще вилами на водѣ писано, пойдетъ ли эскадра, и я ли ее поведу, но признательность моя за чувства, выраженныя въ письмѣ, этимъ не умаляется. Спасибо за то, что Ты вѣришь, что я былъ бы счастливъ вести эскадру. Еще бы нѣтъ. А если ты, мой хорошій, то долженъ вѣрить и въ то, что движетъ мною отнюдь не честолюбіе и что великаго подвига и великой заслуги съ моей собственной стороны, въ этомъ стремленіи идти, вести, себя отдать, другихъ выручить, я тоже не вижу. Поэтому, не великую фигуру несетъ съ собой на алтарь отечества, и никакихъ у этой фигуры крупныхъ интересовъ нѣтъ, никакой, слѣдовательно, жертвы она не приноситъ. Самой же ей грошъ цѣна, ну, на зильбергрошъ помириться можно въ крайнемъ случаѣ.

Заботитъ меня одна неотвязная мысль. Если придется вести, какъ справлюсь, что сдѣлать смогу. Довести вѣдь надо. Говорятъ, японцы на пути напакостятъ. Не это горе, а то, что въ нашей готовности то, что по всѣмъ частямъ японцы засѣли, кишмя кишатъ; тронешься въ путь, а они и подожгутъ фитили своихъ адскихъ машинъ, полъ флота въ нейтральныхъ портахъ Европы и посадишь до конца войны. Ну, прощай, не говори никому, что пишу Тебѣ,

Твой искренне преданный З. Рожественскій.

Таково было настроеніе адм. Рожественскаго, когда, наконецъ, въ Петергофѣ, 11 августа 1904 года, на особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ Государя, было рѣшено послать въ дальне-восточныя воды на усиленіе 1-ой эскадры — 2-ую Тихоокеанскую эскадру подъ начальствомъ адмирала Рожественскаго, поставивъ ей задачу отрѣзать японскую армію отъ японскихъ портовъ, иначе говоря, овладѣть моремъ!

ПУТЬ ЭСКАДРЫ

Эскадра вышла изъ Либавы 2-го октября 1904 года, раздѣлившись на четыре эшалона. Послѣ Гулльскаго инцидента, Государь послалъ Рожественскому телеграмму: „Вся Россія съ вѣрой и крѣпкой надеждой взираетъ на Васъ“. Эти слова Государя передавали тѣ чувства, которыми сопровождали эскадру всѣ болѣвшіе душой за Родину русскіе люди.

Плаваніе было тяжелое во всѣхъ отношеніяхъ: изматывала погрузка угля въ непривычныхъ условіяхъ, изнуряла тропическая жара, кромѣ того, походъ эскадры проходилъ въ атмосферѣ злобнаго нейтралитета: портовыя власти, боясь осложненій и протестовъ Японіи и Англіи, послѣ Танжера не позволяли производить погрузку угля въ ихъ портахъ и приходилось перегружать уголь съ поджидавшихъ въ условленныхъ пунктахъ угольныхъ транспортовъ, внѣ бухтъ, въ открытыхъ моряхъ; углемъ были завалены всѣ свободныя помѣщенія и даже палубы — въ такихъ условіяхъ жили офицеры и команда, но Рожественскій желѣзной волей велъ эскадру, преодолѣвая всѣ препятствія и осложненія.

Первый портъ, куда пришла эскадра, былъ радушный испанскій Виго, но пришлось продѣлать неожиданныя формальности, прежде чѣмъ власти разрѣшили погрузку угля въ порту. Изъ Виго, нагрузившись, эскадра перешла въ Танжеръ, гдѣ ее уже ждали угольщики. Здѣсь эскадра раздѣлилась: младшій флагманъ, адм. Фелькерзамъ съ порученнымъ ему отрядомъ пошелъ черезъ Средиземное море и Суэцкій каналъ на о-овъ Мадагаскаръ, а главныя силы съ адм. Рожественскимъ и Энквистомъ пошли туда же вокругъ Африки, нагружаясь по пути углемъ въ заранѣе назначенныхъ мѣстахъ.

Самый большой переходъ, безъ захода въ порты, былъ отъ мыса Доброй Надежды до Мадагаскара. Утромъ 7 декабря эскадру застигъ страшной силы штормъ. Особенно тяжело было положеніе крейсеровъ и транспортовъ; волны размывали уголь и драгоцѣнное топливо, съ такимъ трудомъ погруженное на суда, исчезало за бортомъ, но, кромѣ сорваннаго съ „Суворова“ гребного катера, другихъ потерь не было и корабли благополучно вышли изъ разбушевавшейся стихіи, и дальше шли уже спокойно. На разсвѣтѣ 10 декабря передъ эскадрой открылся чарующій, весь въ зелени, о. Мадагаскаръ.

На о-вѣ Мадагаскарѣ.

Эскадра вошла въ проливъ; послѣ томительнаго плаванія пріятно было отдохнуть въ спокойныхъ водахъ и любоваться красотами острова, но къ вечеру пришло извѣстіе, что 1-ая Тихоокеанская эскадра стоявшая въ Портъ-Артурѣ, погибла отъ огня японской артиллеріи съ занятой ими Высокой горы, и настроеніе эскадры сразу упало. Предполагалось, что стоянка эскадры будетъ въ прекрасномъ порту Діего-Суарезъ, однако, подъ вліяніемъ англичанъ, французы перевели стоянку въ болѣе глухое мѣсто, въ бухту Носси-Бэ, куда эскадра и перешла, и куда еще раньше пришелъ отрядъ Адмирала Фелькерзамъ. Въ зависимости отъ полученнаго извѣстія о потопленіи Портъ-Артурской эскадры, положеніе эскадры Рожественскаго осложнилось: она была послана

въ помощь первой, Портъ-Артурской — но она погибла раньше чѣмъ вторая прошла половину пути. Теперь 2-ая эскадра Рожественскаго превращалась въ самостоятельную — ей одной предстояло уничтожить японскій флотъ и овладѣть моремъ; вырисовывалась безцѣльность дальнѣйшаго похода. Наканунѣ Рождества Рожественскій получилъ извѣстіе о паденіи Портъ-Артура; послѣдній нашъ оплотъ на Дальнемъ Востокѣ палъ, одна изъ нашихъ двухъ морскихъ базъ была для насъ потеряна, и въ подавленномъ настроеніи мысли офицеровъ и команды неслись въ далекую Родину, гдѣ праздновали Рождество Христово со снѣгомъ и трескучнмъ морозомъ, а здѣсь, далеко отъ всего дорогого, сіяло яркое солнце, освѣщая чудесную природу, а тропическій зной былъ невыносимъ.

Въ Носси-Бэ было получено извѣстіе, что въ Либавѣ снаряжается третья эскадра, подъ начальствомъ адмирала Небогатова, но это нисколько не улучшило царившаго на эскадрѣ тягостнаго и подавленнаго настроенія. Нервничала эскадра, нервничалъ и адм. Рожественскій. Онъ замѣтно осунулся и похудѣлъ. Когда онъ уходилъ съ эскадрой изъ Либавы, онъ имѣлъ заданіе увѣнчать успѣхи нашей арміи, но теперь обстановка измѣнилась и задача была новая: предстояло выручать отступающую Армію, а для этого надо было овладѣть моремъ, но ни Портъ-Артура, ни 1-ой Тихоокеанской эскадры уже не существовало, и поэтому тяжесть принятаго Рожественскимъ порученія значительно увеличивалась и само заданіе представлялось, въ сущности, неисполнимымъ.

Кромѣ того, подъ вліяніемъ газетной шумихи и легкомысленной полемики о посылкѣ Рожественскому подкрѣпленій, шумихи, поднятой Кладо и Ко., совершенно недопустимой во время войны, когда задуманная операція не была закончена, Правительство стало видѣть положеніе въ розовомъ свѣтѣ и считало, что съ присоединеніемъ эскадры Небогатова 2-ая эскадра будетъ имѣть перевѣсъ въ линейныхъ судахъ, и въ телеграммѣ отъ 7-го февраля 1905 г. Рожественскому указывалось, что его „задача состоитъ не томъ, чтобы съ нѣкоторыми судами прорваться во Владивостокъ, а въ томъ, чтобы овладѣть Японскимъ моремъ“.

Самъ же Рожественскій думалъ иначе, и въ телеграммѣ Государю отъ 17-го февраля доносилъ:

> „1-ая эскадра, имѣвшая 30 боевыхъ судовъ разныхъ ранговъ и 28 миноносцевъ, оказалась недостаточной для овладѣнія моремъ; 2-ой эскадрѣ, имѣющей 20 боевыхъ судовъ и только 9 миноносцевъ, задача овладѣнія моремъ теперь не по силамъ, потому что отъ 1-ой эскадры не осталось ничего, кромѣ „Россіи“. Съ присоединеніемъ Небогатова, силы не будутъ достаточны для овладѣнія моремъ, прибавляя 4 тихихъ судна. Небогатовъ прибавитъ 8 транспортовъ, защита которыхъ свяжетъ движеніе эскадры“.

И Рожественскому предстояло принять окончательный и рѣшающій шагъ; продолжать ли операцію или благоразумно отъ нея отказаться, и въ такомъ случаѣ вернуть эскадру въ Россію.

Но отказъ отъ подвига чаловѣка, вождя, на котораго Россія взирала съ вѣрой и крѣпкой надеждой, была бы ужаснымъ соблазномъ для грядущихъ поколѣній, который развратилъ бы въ конецъ весь военный организмъ Россіи и былъ бы, кромѣ того, предлогомъ вылить на Рожественскаго и на всю эскадру ушаты грязи и клеветы и опозорить доблестнаго адмирала. Могъ ли тотъ, кто шелъ кровью смыть горькій стыдъ Россіи, повернуть назадъ? Нѣтъ, безъ приказанія изъ Петербурга онъ этого рокового шага сдѣлать не могъ! Только приказъ изъ Петербурга возвратиться съ эскадрой не покрылъ бы позоромъ имя адмирала Рожественскаго и его эскадры, и не прибавилъ бы горькаго стыда Россіи.

Но Петербургъ рѣшенія на себя не взялъ, и Рожественскому ничего другого не оставалось, какъ продолжать походъ, прекрасно сознавая всю его безнадежность. 3-го марта Рожественскій отдалъ приказъ покинуть Мадагаскаръ, гдѣ эскадра простояла два съ половиной мѣсяца и выйти въ Индійскій океанъ. Съ невыразимымъ чувствомъ подавленности уходили изъ Мадагаскара: ко всѣмъ тяжелымъ переживаніямъ прибавилась еще одна печальная новость — **наша Армія оставила Мукденъ.**

Въ Индійскомъ Океанѣ

Переходъ черезъ Индійскій океанъ занялъ двадцать дней; къ счастью для эскадры, величественный океанъ былъ спокоенъ и за двадцать дней эскадра не испытала ни бурь, ни шторма, ни урагана. Это значительно облегчило перегрузку угля съ поджидавшихъ угольщиковъ.

29-го марта Рожественскій вновь дѣлаетъ попытку убѣдить Петербургъ въ безцѣльности дальнѣйшаго похода и посылаетъ Государю слѣдующую телеграмму:

„Эскадра проходитъ мимо Сайгона, направляясь въ бухту Камранъ; если уже *поздно* посылать эскадру во Владивостокъ, *то необходимо возвратить ее въ Россію. Безъ базы она существовать не можетъ.* Испрашиваю Высочайшаго повелѣнія *о дальнѣйшемъ движеніи* соотвѣтственно положенію дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и положенію Владивостока особенно. *Если надо итти дальше,* то необходимо спѣшить".

На эту телеграмму послѣдовалъ отвѣтъ:

Поздравляю съ блестящимъ плаваніемъ. Владивостокъ открытъ съ сухого пути. *Слѣдуетъ итти, не ожидая* Небогатова. Крѣпко надѣюсь, что Богъ поможетъ Вамъ совершить великое дѣло. *Николай*".

Эскадра продолжала свой путь. 26-го апрѣля она вышла изъ бухты Вонъ-Фанге и днемъ къ ней подошла эскадра адм. Небогатова. Встрѣча была трогательно-волнующая и радостная. Небогатовъ покрылъ трудный и длинный переходъ въ восемьдесятъ три дня. На „Суворовѣ" взвился сигналъ: — „Добро пожаловать. Поздравляю съ блестяще выполненнымъ походомъ".

Въ тотъ же день, позже, Рожественскій отдалъ слѣдующій приказъ:

„Японцы безпредѣльно преданы Престолу и Родинѣ. Они не сносятъ безчестья и умираютъ героями. Но и мы клялись передъ Престоломъ Всевышняго. Господь укрѣпилъ духъ нашъ и помогъ одолѣть тяжести похода, доселѣ безпримѣрнаго. Господь укрѣпитъ и десницу нашу, благословитъ исполнить завѣтъ Государевъ и кровью смыть горькій стыдъ Россіи".

Несомнѣнно, Рожественскій болѣе другихъ переутомился и надорвалъ свои силы. Его Младшій Флагманъ, Адм. Фелькерзамъ, лежалъ при смерти. Опасенія Рожественскаго выразились въ его послѣдней телеграммѣ Государю отъ 2-го мая.

„Небогатовъ присоединился. Фелькерзамъ пятую недѣлю не встаетъ съ постели и едва ли встанетъ: состояніе быстро ухудшается. Всепреданнѣйше прошу послать во Владивостокъ здороваго и способнаго Командующаго Флотомъ или эскадрой. Я съ трудомъ хожу, не могу обойти палубы своего корабля. Поэтому состояніе эскадры весьма плохо. Если останусь живъ, то подъ начальствомъ Командующаго Флотомъ могу продолжать командовать эскадрой, пока двигаюсь, и пока Командующему то будетъ желательно".

Плаваніе эскадры подходило къ концу, неслыханный переходъ, на который было затрачено такъ много энергіи и рѣшительности кончался; дальше ждать какихъ-либо распоряженій не было необходимости. Но впереди открывался путь испытаній, полныхъ неизвѣстности, путь къ конечной цѣли похода. 11 мая скончался Адм. Фелькерзамъ; флагъ его не былъ спущенъ и о смерти адмирала объявлено по эскадрѣ не было. Тѣло адмирала было запаяно въ металлическій гробъ и потонуло въ первый день боя 14-го мая вмѣстѣ съ броненосцемъ „Ослябя", на которомъ держалъ свой флагъ покойный адмиралъ.

12-го мая транспорты подъ командой кап. 1 р. Радлова покинули эскадру и ушли въ Шанхай.

13-го мая перегруженная углемъ эскадра приблизилась къ Корейскому проливу, пройдя 18 000 миль. Впереди, лежалъ родной Владивостокъ, послѣднее наше пристанище, но путь къ нему лежалъ черезъ избранный Рожественскимъ роковой Корейскій проливъ.

Того и Рожественскій.

Адмиралъ Того, прекрасно подготовленный къ встрѣчѣ съ эскадрой Рожественскаго, съ подавляющими силами поджидалъ ее въ Корейскомъ проливѣ. Его флотъ владѣлъ моремъ, онъ былъ у себя съ прекрасно оборудованными базами и опытомъ, пріобрѣтеннымъ отъ операцій у Портъ-Артура; его эскадра была отлично сорганизована, съ хорошо обученной командой, воодушевленной до самоувѣренности.

Была ли у насъ какая-либо надежда на успѣхъ, на овладѣніе моремъ, на побѣду? Нѣтъ, никакой! Эскадра Рожественскаго, съ паденіемъ Портъ-Артура и гибелью 1-ой Эскадры была эскадрой обреченной; выиграть боя она не могла. Неизбѣжность пораженія сознавалась на эскадрѣ всѣми, сознавалъ ее и Рожественскій, судя по его донесеніямъ.

„Что думали, что чувствовали, — говоритъ Семеновъ въ своей „Расплатѣ“ — тѣ, кому предстояло въ безобразной толпѣ судовъ встрѣтиться и вступить въ бой съ эскадрой, превосходящей насъ численностью, хорошо обученной, имѣвшей цѣлый годъ боевого опыта“.

Англійскій адмиралъ, не назвавшій своего имени, на страницахъ „Дейли Телеграфъ“ отъ 12/25 мая 1905 г. писалъ: — „Рожественскій ведетъ свой флотъ съ чувствомъ человѣка, идущаго на собственныя похороны. Ни одинъ англійскій адмиралъ не могъ бы выполнить невозможную задачу, выпавшую на долю Рожественскаго. Того не можетъ не имѣть успѣха, ибо всѣ условія для него исключительно благопріятны“.

Не удивительно, что неминуемая катастрофа разразилась, и въ теченіе двухъ дней эскадра Рожественскаго погибла въ безнадежной борьбѣ.

Но можно ли сказать, что наше пораженіе было позоромъ Рожественскаго и личнаго состава эскадры? Нѣтъ, совѣсть не позволяетъ это сказать! Можно ли пораженіемъ нашей эскадры зачеркнуть проявленный героизмъ, мужество и преданность долгу всего состава эскадры, за рѣдчайшими, быть можетъ, исключеніями? Нѣтъ, нельзя! Во всякой войнѣ есть побѣдители и побѣжденные. А Цусимскій бой былъ особенный. Вотъ что объ немъ говоритъ нѣмецкій писатель-историкъ, Франкъ Тиссъ, въ своей замѣчательной книгѣ „Цусима“:

„Цусимское сраженіе — самая большая морская битва всѣхъ временъ. Эта битва особенная, гдѣ побѣжденные и побѣдители играли значительную роль, одинаково замѣчательную. Въ ней мы видимъ героизмъ двухъ видовъ: съ одной стороны мужество и неодолимый духъ японской націи, а съ другой — доблесть, подвиги и стоицизмъ русскихъ моряковъ, которые, понимая неизбѣжность ихъ пораженія, все же бросились въ бой, на встрѣчу смерти. И пораженіе ихъ — это не только трагедія Россіи, но

и личная драма Рожественскаго. Но это не тріумфъ Того. Это кругосвѣтное путешествіе, безмѣрное и неслыханное, предпринятое Рожественскимъ, во главѣ своей эскадры, какъ переходъ Ганнибала черезъ Альпы, свидѣтельствуетъ объ его отвагѣ, безумствѣ подвига, единственнаго въ морскихъ анналахъ.

Адмиралъ не имѣлъ даже сомнительной увѣренности на успѣхъ и все же пошелъ и повелъ свою эскадру въ безнадежный путь.

Міръ восхищался геніемъ Того, но Того, если можно такъ сказать, не что иное, какъ олицетвореніе доблести японской націи; не желая умалять его заслугъ, необходимо отмѣтить, что каждый японецъ, сражавшійся въ Цусимѣ, былъ Того въ миніатюрѣ. Совсѣмъ иное — его противникъ, адм. Рожественскій — личность исключительная, соединяющая въ себѣ и очень высокія воинскія цѣнности, и моральное благородство. Но такъ какъ его судьба въ бою была неудачна, то и память о немъ потонула въ мучительномъ забвеніи. Вотъ почему я, — говоритъ Тиссъ, — захотѣлъ воздать должную дань этому чистому воину, морально задушенному клеветой, злобой и грязью, и дать ему и всѣмъ павшимъ въ Цусимскомъ бою ихъ настоящее мѣсто среди героевъ исторіи".

Въ бояхъ 14-15 мая погибло 5 045 человѣкъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, изъ нихъ 209 офицеровъ и 75 кондукторовъ; ранено 809 человѣкъ. Японія понесла ничтожныя потери; въ 40 разъ меньше нашихъ: 119 убитыхъ и 139 раненыхъ, и потеряла всего 4 миноносца.

Преклонимся же передъ памятью погибшихъ и, вѣруя, что они обрѣли награду свою у Престола Всевышняго, возстановимъ въ памяти наиболѣе яркіе примѣры беззавѣтнаго героизма, мужества и жертвенной преданности долгу, проявленному въ безнадежной борьбѣ.

Флагманскій броненосецъ «Князь Суворовъ»

Броненосецъ „Князь Суворовъ", коимъ командовалъ доблестный кап. 1 р. Игнаціусъ, вскорѣ послѣ начала боя и гибели бр. „Ослябя", оказался въ безпомощномъ состояніи. Рожественскій былъ тяжело раненъ въ голову и ноги и былъ безъ сознанія. „Суворовъ" вышелъ изъ строя, подбитый японскими снарядами, весь въ огнѣ, и напрягалъ послѣднія силы, чтобы догнать эскадру и снова занять мѣсто въ строю.

Рожественскій, съ открытой раной въ голову, получившій еще 16 раненій, неподвижно сидѣлъ безъ сознанія въ рубкѣ 6" башни. Около 5 часовъ вечера кап. 2 р. Коломейцевъ на миноносцѣ „Буйный" увидѣлъ одинокій корабль, весь объятый пламенемъ и окутанный густымъ облакомъ дыма, безъ трубъ, безъ мачтъ, пылающій какъ огромный костеръ. Онъ узналъ

„Суворова“ и, давъ полный ходъ, черезъ несколько минутъ остановился въ 25 саженяхъ отъ него, чтобы принять адмирала, какъ это было ему предписано до боя. На „Суворовѣ“, увидѣвъ миноносецъ, съ большими усиліями пронесли адмирала на кормовой срѣзъ и уже хотѣли подвязать раненаго къ плоту, когда Коломейцевъ, рискуя погибнуть вмѣстѣ съ миноносцемъ, присталъ къ навѣтренному борту искалеченнаго „Суворова“. Подойти съ подвѣтра не было возможности, туда несло весь дымъ и пламя пожара. Мотаясь на волнѣ, „Буйный“ то поднимался на уровень со срѣзомъ „Суворова“, то летѣлъ стремительно внизъ. Нѣсколько человѣкъ команды „Суворова“, уловивъ благопріятный моментъ, бросили адмирала на руки команды „Буйнаго“. Вслѣдъ за адмираломъ на миноносецъ соскочило и нѣсколько чиновъ его штаба. Офицеры „Суворова“ — лейт. Богдановъ, Вырубовъ, прапорщикъ Курсель и нѣсколько человѣкъ команды, стоявшей на срѣзѣ, увидя, что адмиралъ благополучно переброшенъ на миноносецъ, закричали „ура“! и замахали фуражками. Никто изъ нихъ не подумалъ оставить пылающій корабль и спастись — всѣ они погибли.

Въ сумерки того же дня отрядъ японскихъ миноносцевъ атаковалъ „Суворова“, который, весь обгорѣвшій и еще горящій, получившій массу попаданій, отвѣчалъ изъ единственнаго уцѣлѣвшаго орудія и защищался до конца, цѣлый часъ и 45 минутъ, отъ 13 миноносцевъ, пока не затонулъ, окутанный черно-желтымъ дымомъ и пламенемъ, медленно подвигаясь впередъ, унося съ собой въ пучину остатки своего доблестнаго экипажа. Это ли не героизмъ, не безумная доблесть, не беззавѣтная преданность долгу, это ли не красота подвига, достойная быть увѣковѣченной въ исторіи русскаго флота!

Миръ праху героевъ-мучениковъ, исполнившихъ свой долгъ до конца! Никто изъ нихъ не спасся. Вѣчная имъ память, и слава, слава имъ!

БРОНЕНОСЕЦЪ «ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III»

Послѣ выхода изъ строя флагманскаго броненосца „Князь Суворовъ“, мѣсто его занялъ брон. „Императоръ Александръ III“, который повелъ за собой эскадру. Командовалъ имъ доблестный кап. 1 р. Гв. Эк. Бухвостовъ, при стар. офиц. кап. 2 р. Племянниковѣ, Гв. Эк. какъ и всѣ офицеры и команда. Въ бою 14 мая броненосецъ вышелъ изъ строя около 5 час. съ большимъ пожаромъ и креномъ. Скоро его палуба ушла въ воду, онъ перевернулся и скрылся подъ водой. Около него плавали сотни людей. Стараясь спасти команду, „Изумрудъ“ подошелъ къ мѣсту гибели, сбросилъ койки, круги и пояса и пытался спустить гребной катеръ, но японцы открыли по немъ губительный огонь и „Изумрудъ“ вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ попытокъ. Со славнаго корабля никто не спасся.

БРОНЕНОСЕЦЪ «БОРОДИНО»

Послѣ гибели „Александра III“ эскадру повелъ шедшій за нимъ броненосецъ „Бородино“, подъ командой кап. 1 р. Серебренникова, при стар. офиц. Макаровѣ. На немъ японцы сосредоточили весь свой огонь. Около 7 ч. кренъ, который уже имѣлъ „Бородино“ быстро сталъ увеличиваться. Языки пламени вырывались изъ полупортиковъ. Тѣмъ не менѣе „Бородино“ сдѣлалъ послѣдніе два выстрѣла и пошелъ ко дну; изъ подъ воды вырывались еще клубы дыма и огня. Нѣкоторое время броненосецъ плылъ еще кверху килемъ; человѣкъ 40 бѣгало по днищу корабля, затѣмъ раздался взрывъ и „Бородино“ исчезъ въ морской пучинѣ. Спасся только одинъ матросъ Ющинъ, подобранный изъ воды. Весь экипажъ погибъ.

БРОНЕНОСЕЦЪ «АДМИРАЛЪ УШАКОВЪ»

Броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ“ входилъ въ составъ отряда адмирала Небогатова, но съ вечера 14 мая, получивъ большую пробоину въ таранномъ отдѣленіи, отсталъ отъ эскадры и оказался въ полномъ одиночествѣ. На созванномъ ночью командиромъ кап. 1 р. Миклуха Маклай совѣтѣ, было рѣшено идти во Владивостокъ, избѣгая встрѣчъ съ непріятелемъ. На слѣдующій день около 2 ч. дня, „Ушаковъ“ былъ замѣченъ японскимъ отрядомъ броненосныхъ крейсеровъ и на „Якумо“ былъ поднятъ сигналъ: „Вашъ флагманъ сдался, предлагаю Вамъ сдаться“. Лейт. Максимовъ, разобравъ первую часть сигнала, доложилъ ее командиру, Владиміру Николаевичу Миклуха Маклай, который приказалъ: „Дальше разбирать не надо, долой отвѣтъ, открыть огонь!“ Черезъ полъ часа боя броненосецъ получилъ значительныя поврежденія и нѣсколько пробоинъ у ватерлиніи и началъ тонуть. Видя неизбѣжную гибель корабля, командиръ приказалъ открыть кингстоны, а командѣ спасаться. Минный офицеръ, лейт. Борисъ Константиновичъ Ждановъ отказался спасаться, сказавъ „Въ плѣну я никогда не буду“ и погибъ вмѣстѣ съ кораблемъ. Обрушившимся баркасомъ былъ раздавленъ старшій офицеръ, доблестный кап. 2 р. Мусатовъ. Часовой у флага, боцманъ Прокоповичъ безсмѣнно стоялъ на своемъ посту во время всего боя, пока не былъ разорванъ на части снарядомъ. Кап. 1 р. Миклуха Маклай до послѣдней минуты спокойно стоялъ на мостикѣ, наблюдая за спасеніемъ команды. Послѣ того какъ „Ушаковъ“ пошелъ ко дну, его видѣли, уже мертвымъ, плавающимъ въ водѣ.

Имя доблестнаго и всѣми любимаго Миклухи Маклай, какъ имена и всѣхъ погибшихъ съ нимъ офицеровъ и команды должны быть занесены на почетныя страницы исторіи русскаго флота.

КРЕЙСЕРЪ «СВѢТЛАНА»

Крейсеръ-яхта „Свѣтлана“, капризъ нашего судостроенія, исполнялъ роль дозорнаго корабля въ составѣ развѣдочнаго отряда, состоявшаго изъ яхты „Алмазъ“ и вспом. крейсера „Уралъ“ — всѣ три не имѣли боевого значенія. Задача этого отряда подъ командой кап. 1 р. Шейнъ была охрана транспортовъ. Вспом. крейсеръ „Уралъ“, послѣ боя, получилъ нѣсколько пробоинъ, былъ потопленъ, а „Алмазъ“ оторвался отъ отряда. Осталась слабая „Свѣтлана“. Она была обречена на гибель — въ бою она получила подводную пробоину, и когда ее опять настигали японскіе крейсера, то командиръ собралъ совѣтъ офицеровъ, на которомъ рѣшено было вступить въ бой и, когда всѣ снаряды будутъ израсходованы, затопить крейсеръ. Японскіе крейсера подошли совсѣмъ близко и начался разстрѣлъ слабой „Свѣтланы“, которая, несмотря на возникшій пожаръ, отвѣчала изъ своихъ орудій. Когда всѣ снаряды были израсходованы, клапана затопленія и двери непроницаемыхъ переборокъ были открыты и „Свѣтлана“ стала тонуть. Лейт. Зуровъ, не желая покидать корабль, спустился внизъ, гдѣ и погибъ. Стар. штурм. офицеръ, лейт. Дьяконовъ, общій любимецъ, былъ раненъ въ руку; не желая покидать корабль онъ легъ на бакѣ, ухватился здоровой рукой за якорный канатъ, и пошелъ ко дну вмѣстѣ съ кораблемъ. Кочегарный кондукторъ Селивановъ остался въ кочегаркѣ, отказавшись спасаться. Послѣ доблестнаго сопротивленія, утромъ 15 мая „Свѣтлана“ затонула близъ береговъ Кореи. Вмѣстѣ съ ней погибло 10 офицеровъ, священникъ, 4 кондуктора и 153 матроса. Кап. 1 р. Шейнъ былъ убитъ въ послѣднія минуты боя. Такъ обреченная на гибель „Свѣтлана“ показала высокій примѣръ долга и мужества. Миръ праху погибшихъ!

МИНОНОСЕЦЪ «ГРОМКІЙ»

Миноносецъ „Громкій“, подъ командой доблестнаго капит. 2 р. Г. Ф. Кернъ, во время упорнаго боя съ японскими миноносцами получилъ поврежденія и сталъ тонуть. Снаряды у него приходили къ концу, гротъ мачта была сбита и поднятый на гафелѣ флагъ полетѣлъ въ воду. Командиръ приказалъ поднять флагъ на фокъ мачтѣ и прибить его гвоздями въ знакъ того, что миноносецъ никогда флага не спуститъ. Это приказаніе было исполнено подъ огнемъ непріятеля сигнальщикомъ Скородумовымъ. Японцы сближались, желая взять миноносецъ на абордажъ. Капитанъ 2 р. Кернъ приказалъ открыть огонь изъ винтовокъ, и видя что „Громкій“ погружается, приказалъ открыть кингстоны. Передъ тѣмъ, чтобы погрузиться, „Громкій“ легъ на правый бортъ и скрылся подъ водой. Кап. 2 р. Кернъ умеръ на боевомъ посту, исполнивъ свой долгъ до конца.

Крейсеръ 1 ранга «Дмитрій Донской»

Крейсеръ „Дмитрій Донской“, подъ командой капитана 1 р. Лебедева, отбивъ всѣ атаки сильнѣйшаго противника, оторвавшись отъ японскихъ крейсеровъ, потерявъ способность управляться, въ темнотѣ всталъ на якорь въ бухтѣ о. Дажелетъ. Ночью команда была свезена на берегъ. а крейсеръ отведенъ на большую глубину, гдѣ былъ затопленъ.

Миноносецъ «Блестящій»

Миноносецъ „Блестящій“, подъ командой кап. 2 р. Шамова, получивъ въ бою сильныя поврежденія и пробоины и находясь въ бѣдственномъ положеніи, погибъ въ морѣ вмѣстѣ съ командиромъ и командой на разсвѣтѣ 15 мая.

Миноносецъ «Безупречный»

Миноносецъ „Безупречный“, подъ командой капитана 2 р. Матусевичъ былъ настигнутъ ночью японскими крейсерами, потопившими его со всемъ своимъ личнымъ составомъ. О послѣднихъ минутахъ его геройской гибели ничего не извѣстно. Погибли на немъ: капитанъ 2 р. Матусевичъ, лейт. А. А. Быковъ, мичманы Горенович и Тиле, млад. инж. мех. Пауменко и вся команда.

Адмиралъ Рожественскій въ плѣну.

Рожественскій все еще оправлялся отъ раненій и находился въ полудремотѣ, когда къ нему въ госпиталь явился японскій офицеръ и сказалъ, что вслѣдъ за нимъ идетъ адмиралъ Того, чтобы имѣть честь навѣстить больного адмирала.

Войдя, Того подошелъ къ изголовью Рожественскаго и молчаливо смотрѣлъ въ лихорадочно блестящіе глаза своего раненнаго противника. Затѣмъ Того взялъ руку Рожественскаго въ свою, и не выпуская ее сказалъ: „Пораженіе это рокъ, участь, судьба, которая ожидаетъ всѣхъ насъ. Но въ немъ нѣтъ ничего постыднаго, ни безчестія, ни безславія. Единственно съ чѣмъ считаются, это сознаніе исполненнаго долга. Вы и ваши люди проявили подвиги изумительные. Я хотѣлъ бы выразить Вамъ мое уваженіе и мое соболѣзнованіе. Надѣюсь, что вы скоро выздоровѣете“.

Рожественскій не спускалъ глазъ съ Того и утомленнымъ голосомъ отвѣтилъ: „Благодарю васъ за то, что вы пришли меня навѣстить. Я больше не стыжусь, что былъ побѣжденъ вами“. (F. Thiss — Tzoushima).

Въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Кіото Предсѣдатель Комиссіи по освобожденію плѣнныхъ, генералъ Даниловъ со своимъ штабомъ. Онъ сдѣлалъ многіе визиты, но, отражая, повидимому, настроеніе Петербурга, не нашелъ времени навѣстить раненаго и больного адмирала.

Плѣнъ кончался, и адмиралу Рожественскому и офицерамъ было предложено вернуться въ Россію на комфортабельномъ пароходѣ, но Рожественскій отказался, онъ хотѣлъ остаться до конца со своими товарищами по плѣну и предпочелъ путешествіе черезъ Сибирь, съ безчисленными остановками на территоріи, гдѣ свирѣпствовали забастовки и революція. Онъ говорилъ съ улыбкой, что это путешествіе не будетъ хуже, чѣмъ крейсерованіе около Цусимы.

Возвращеніе изъ плѣна.

Рожественскій покинулъ Японію все еще больной, опираясь на палку и сѣлъ въ поѣздъ, чтобы проѣхать 9 000 верстъ до Петербурга. По пути онъ видѣлъ солдатъ, возвращавшихся съ фронта, забастовщиковъ революціонеровъ, и вся эта масса на каждой станціи встрѣчала адмирала криками „ура"!

10 декабря Рожественскій прибылъ въ Петербургъ — никто изъ оффиціальныхъ лицъ его не встрѣтилъ.

Рожественскій былъ преданъ суду за сдачу „Бѣдоваго", но прокуроръ отказался отъ обвиненія и адмиралъ былъ судомъ оправданъ. Въ сдачѣ „Бѣдоваго" онъ не принималъ никакого участія, ибо въ моментъ сдачи былъ безъ сознанія и поэтому не могъ нести никакой отвѣтственности. Сдача миноносца вмѣстѣ съ нимъ была произведена нѣкоторыми офицерами его штаба, дабы спасти жизнь адмирала.

На судѣ Рожественскій держалъ себя по рыцарски и не сказалъ ни одного слова о дефектахъ порученной ему эскадры и ея снаряженія, бывшихъ причиной Цусимы. Онъ солдатъ, онъ беретъ вину на одного себя и проситъ Государя о помилованіи сдавшихся. Онъ восхваляетъ доблесть своихъ офицеровъ, онъ ни слова не говоритъ о своемъ штабѣ, сдавшемъ „Бѣдоваго" вмѣстѣ съ нимъ, но онъ кончаетъ свою рѣчь волнующими словами: „Я сожалѣю, что въ приказѣ до сраженія я не указалъ, что спасать командующаго слѣдовало только въ томъ случаѣ, если состояніе его зоровья позволило бы ему продолжать командованіе. Меня нужно было оставить на „Суворовѣ".

Рожественскій былъ оправданъ, но цѣлый годъ его дѣйствія безжалостно критиковались въ печати. Онъ принялъ свою участь молчаливо, но если его духъ не былъ побѣжденъ, то сердце его было ранено смертельно.

Вотъ что онъ писалъ своему другу, барону М.Р. Энгельгардъ 16 февраля 1906 года.

Дорогой мой Максимиліанъ Рудольфовичъ!

Спасибо тебѣ сердечное за горячее слово дружбы, за попытку утѣшить, ободрить. Еще никто не говорилъ мнѣ искренняго слова прощенія. Одни проклинаютъ, другіе излѣваются, третьи ждутъ,

когда наступитъ пора лягнуть безъ опаски. До сихъ поръ только темная орда попутчиковъ моихъ по Сибири, запасныхъ возвращающихся изъ плѣна, только эти обездоленные, несчастные, сѣрые люди не проклинаютъ, только они жалѣютъ меня. Да и не могъ я ждать иного отношенія. Подъ моимъ водительствомъ погубленъ флотъ.

„Не понравился мнѣ твой нѣмецъ критикъ (М. Гарденъ, по свѣдѣніямъ барона) за его жесткія, грубыя слова на Государя нашего, на мученика, который лихорадочно ищетъ людей правды и совѣта, и не находитъ ихъ, который оклеветанъ передъ народомъ своимъ, который остается заслоненнымъ отъ этого народа мелкой интригой, корыстью и злобой, который извѣрился во всѣхъ, имѣющихъ доступъ къ Престолу Его и страдаетъ больше, чѣмъ могъ бы страдать заключенный въ подземельѣ, лишенный свѣта и воздуха. Обнимаю тебя и прошу вѣрить старой, искренной преданности глубоко тебя уважающаго товарища, З. Рожественскій". „Морской Журналъ" №7(81919)

Судъ надъ Рожественскимъ былъ печальной ошибкой.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Послѣ Цусимы всѣмъ стало ясно, что мы жестокой цѣной заплатили за наши ошибки, за нашу неподготовленность, за наше легкомысліе. Дорого стоилъ намъ этотъ урокъ, но онъ не пропалъ даромъ, онъ разбудилъ въ молодыхъ офицерахъ, горѣвшихъ болью оскорбленнаго національнаго самолюбія, жажду исправить ошибки прошлаго. Эти молодые офицеры: Пилкинъ, Колчакъ, Щегловъ, Римскій - Корсаковъ и другіе образовали кружокъ и въ результатѣ ихъ работъ по возсозданію флота былъ созданъ Морской Генеральный Штабъ и къ началу войны съ Германіей въ 1914 г. флотъ нашъ не только залѣчилъ раны Цусимы, но сталъ на должную высоту: онъ имѣлъ уже бригаду линейныхъ кораблей и крейсеровъ и сумѣлъ дать отпоръ сильнѣйшему германскому флоту. „Цусима" повториться уже не могла!

Поэтому и жертвы, принесенныя въ Цусимскомъ бою, принесли и свои положительные результаты. И мы не можемъ эти жертвы забыть, какъ и тѣхъ, кто ихъ принесъ. Собрать воедино всѣ разбросанные о нихъ печальные труды, описать всѣ ихъ подвиги, передать ихъ мужество, съ коимъ они пріяли смерть за Родину во имя долга передъ ней — нашъ священный долгъ передъ ними и передъ грядущими поколѣніями, которыя, готовя себя въ будущемъ свободной Россіи, къ морской дѣятельности, будутъ учиться исполненію долга, по примѣру павшихъ героевъ Цусимы.

Да сохранятся же они въ памяти людской, какъ яркій примѣръ жертвеннаго подвига, героизма и беззавѣтнаго исполненія долга передъ Россіей.

Контръ-адмиралъ Ю. К. Старкъ.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІИ ВЪ ПЕРІОДЪ 1921-1922 г. г.

(Продолженіе)

Однако, операція была далеко не закончена. Сильный отрядъ красныхъ, занявшій Терней, обнаруживалъ намѣреніе продвигаться къ сѣверу. Необходимо было его перехватить. Кромѣ того, являлось необходимымъ сформированіе для этого района постоянной Правительственной милиціи съ тѣмъ, чтобы снять съ войскъ несвойственныя имъ обязанности административнаго порядка, оставивъ для нихъ только ихъ прямую задачу, борьбу съ крупными партизанскими шайками. Наше министерство внутреннихъ дѣлъ было безсильно въ этомъ отношеніи, почему пришлось значительную долю заботъ и расходовъ по сформированію милиціи принять на флотилію. Фактически, формировавшаяся милиція только числилась по министерству внутреннихъ дѣлъ, получая средства даже на заказъ форменныхъ бланковъ и печатей отъ флотиліи.

Ввиду ожидавшейся черезъ нѣсколько дней отправки въ Якутскую область (Аянъ) отряда генерала Пепеляева, численностью около 450 человѣкъ, каковой отрядъ на корабляхъ флотиліи долженъ былъ проходить мимо бухты Терней, въ непосредственной близости отъ нея, я заручился согласіемъ генерала Пепеляева на то, что отрядъ высадится въ Тернеѣ на сутки для окруженія и уничтоженія красныхъ.

Генералъ Пепеляевъ очень торопился. Поэтому дабы онъ не потерялъ времени на развѣдку, я рѣшилъ выслать немедленно на одномъ изъ кораблей развѣдывательный отрядъ съ задачей установить мѣстонахожденіе красныхъ и, поддерживая съ ними соприкосновеніе, ожидать подхода отряда генерала Пепеляева, въ распоряженіе коего и поступить.

«Илья Муромецъ» со взводомъ Морскихъ Стрѣлковъ вышелъ изъ Владивостока 25-го августа и до 31-до августа держался въ районѣ Джигитъ-Терней-Самарга. Кораблемъ былъ захваченъ японскій моторный катеръ съ тремя вооруженными партизанами, шедшій съ почтой отъ краснаго начальства изъ Тетюхэ въ Терней; фактъ этотъ подтверждалъ свѣдѣнія, что красные за деньги пользовались японскими судами и катерами для перевозки небольшихъ частей и почты.

Развѣдкой, произведенной к/л. «Илья Муромецъ», силы и расположеніе партизанъ, раздѣленныхъ на три отряда, были точно

установлены. Общая численность отрядовъ въ этомъ районѣ протяженіемъ около 80 миль составляла 200 человѣкъ, при двухъ пулеметахъ.

Къ сожалѣнію, ген. Пепеляевъ, подошедшій къ Тернею со своимъ отрядомъ 31-го августа, отказался, сославшись на слабое вооруженіе отряда, вступить въ бой съ красными, и произведя безполезную демонстрацію высадки въ сторонѣ отъ Тернея, прослѣдовалъ по назначенію на сѣверъ. Чиновники, арестованные красными и бѣжавшіе на японскомъ пароходѣ во время демонстраціи отряда ген. Пепеляева сообщили, что имъ удалось бѣжать потому, что при подходѣ нашихъ кораблей, у красныхъ произошла паника и они метались, не зная куда дѣваться.

Такимъ образомъ районъ Тернея вновь неожиданно остался въ рукахъ красныхъ.

Партизаны отлично учитывали то обстоятельство, что борьба за доходное побережье была для нихъ борьбой не на жизнь, а на смерть. По свидѣтельству всѣхъ рѣшительно начальниковъ, участвовавшихъ въ дѣйствіяхъ на побережьи, а также по отзывамъ частныхъ лицъ, партизанское движеніе, какъ таковое, къ разсматриваемому моменту уже выдохлось. Населеніе относилось къ нимъ или отрицательно, или, въ лучшемъ случаѣ, индиферентно.

Если въ 1918 и 19 годахъ партизанскія шайки возникали изъ среды самого населенія Приморья вслѣдствіе бунтарскаго настроенія массъ, не испытавшихъ большевизма, опирались исключительно на мѣстное населеніе и, въ случаѣ опасности, незамѣтно распылялись среди своихъ односельчанъ-единомышленниковъ, то въ 1922 году они носили характеръ постоянныхъ и регулярныхъ отрядовъ арміи Дальневосточной Республики. Поэтому, единственными источниками средствъ къ существованію были для нихъ сборы налоговъ и пошлинъ съ промышленниковъ и населенія. Единственнымъ же элементомъ населенія, откуда они черпали значительное пополненіе, были корейцы, а эти послѣдніе поступали въ партизаны, главнымъ образомъ за деньги. Вотъ почему, если бы намъ удалось удержать доходную часть побережья въ своихъ рукахъ, партизаны, не получая средствъ и не будучи въ состояніи, по своей малочисленности, грабить враждебное имъ населеніе, были бы вынуждены или самораспуститься, или уйти черезъ горы въ другіе районы Приморья.

Зато существовавшіе отряды сумѣли связаться съ большевистскимъ центромъ и военнымъ командованіемъ Дальневосточной Республики, получая оттуда общія указанія, толковыхъ политическихъ инстукторовъ, оружіе и даже подкрѣпленіе.

Оставленіе нами Ольги было первымъ благопріятнымъ для красныхъ фактомъ. Неудачная для насъ обстановка подъ Тернеемъ и нерѣшительность ген. Пепеляева окрылили ихъ и они начали продвигаться къ сѣверу. Взамѣнъ ушедшихъ изъ Ольги на сѣверъ

въ Ольгу прибывали новые отрядики, присылаемые командованіемъ Дальневосточной Республики черезъ горные проходы хребта Сихитъ-Алинъ. Правда, общая численность ихъ на всемъ этомъ побережьи никогда не превосходила 400-500 человѣкъ, но надо принять во вниманіе, что они не испытывали недостатка въ вооруженіи, что флотилія въ борьбѣ съ ними на сушѣ, несмотря на всѣ мои просьбы и представленія по начальству, оставалась послѣ эвакуаціи Ольги предоставленной почти исключительно собственнымъ средствамъ, состоявшимъ изъ роты Морскихъ Стрѣлковъ — около 200 штыковъ при одномъ пулеметѣ, при постоянномъ недостаткѣ ружейныхъ патроновъ и при наличіи на корабляхъ по 10-15 патроновъ на винтовку и по 20-30 снарядовъ на орудіе. Понятно поэтому, что борьба наша была очень напряженной и не удивительно, что послѣ успѣха первой экспедиціи, мы вынуждены были постепенно суживать районъ своихъ владѣній. Описаніе этой борьбы, происходившей въ сентябрѣ и октябрѣ, приведу позднѣе.

Вышеописанной операціей, потребовавшей для своего исполненія большей части силъ флотиліи, не ограничилась дѣятельность флотиліи за разсматриваемый періодъ (конецъ іюля-августъ).

Въ связи съ концентраціей нашихъ войскъ къ сѣверо-западу (Спасскій районъ) и ослабленія ихъ дѣятельности по борьбѣ съ партизанами въ районѣ Владивостокъ-Сучанъ, партизаны, оперировавшіе въ прибрежной зонѣ къ востоку отъ Владивостока, осмѣлѣли и стали показываться на побережьи, нападая на жителей, собирая дань съ промышленниковъ и даже угрожая окрестностямъ Владивостока. Приказомъ правителя отъ 4-го іюля № 53/А на меня была возложена задача по охранѣ побережья Амурскаго и Уссурійскихъ заливовъ отъ проникновенія контрабанды моремъ и пиратства. Мною отданъ былъ приказъ по флотиліи, обязывающій всѣ наши корабли, идущіе съ не очень спѣшными порученіями во Владивостокъ или изъ него, осматривать всѣ встрѣчаемыя суда, шаланды и катера на предметъ обнаруженія оружія, контрабанды и отсутствія документовъ на плаваніе. Кромѣ этого, со спеціально охранной цѣлью, въ Амурскомъ заливѣ содержался п/с. «Стражъ», а на Уссурійскій заливъ посылались въ крейсерство миноносцы, катера и п/с. «Фарватеръ» и «Аяксъ».

Всѣ эти мѣры оказались недостаточными. Было обнаружено, что партизанскіе отряды основали свои базы въ нѣкоторыхъ пунктахъ побережья и снабжали моремъ дѣйствующіе противъ нашихъ войскъ отряды.

Ввиду отсутствія свободныхъ резервовъ въ арміи для систематической борьбы съ партизанами и того обстоятельства, что районъ Владиміро-Александровское (б. Америка) подлежалъ по приказу Правителя эвакуаціи нами, я доложилъ Правителю,

что намъ ничего не остается иного, какъ сознаться, что этотъ участокъ побережья намъ не принадлежитъ, и объявить блокаду его, воспретивъ всякое плаваніе судовъ въ этомъ районѣ.

Блокада была объявлена съ оповѣщеніемъ въ газетахъ района блокады и срока ея начала (30 августа). Блокада касалась только прибрежной полосы залива Петра Великаго, къ востоку отъ Владивостока, въ каковомъ районѣ воспрещалось всякое плаваніе частныхъ судовъ. Впослѣдствіи блокада поддерживалась постояннымъ присутствіемъ въ зонѣ ея одного изъ нашихъ кораблей или катеровъ, что, конечно, вызвало много затрудненій и хлопотъ для насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полностью прекратило снабженіе и передвиженіе партизанъ по морю.

8-го августа на зафрахтованномъ пароходѣ «Сишанъ», везшимъ на Камчатку уголь для нашихъ кораблей и грузы для гарнизона и правительственныхъ чиновъ, отправился въ Петропавловскъ капитанъ 1-го ранга Ильинъ, назначенный мною Начальникомъ 1 дивизіона кораблей, дѣйствующихъ на Камчаткѣ.

Приказомъ Правителя капитану 1 ранга Ильину было поручено исполненіе обязанностей Начальника Гарнизона города Петропавловска и врем. исполненіе обязанностей губернатора вплоть до прибытія таковаго. Старая администрація отсылалась во Владивостокъ. Ввиду медленности формированія новой роты Морскихъ Стрѣлковъ, въ распоряженіе кап. 1 р. Ильина была назначена морская дессантная рота, которая и отбыла вмѣстѣ съ нимъ на «Сишанѣ».

6-7-9 августа лед. «Байкалъ» выходилъ въ б. Америка для доставки продовольствія нашему гарнизону Владиміро-Александровска.

18-го августа, вслѣдствіе приказа Правителя объ очищеніи нами района Владиміро-Александровска (б. Америка) отрядъ судовъ лед. «Байкалъ», м/н. «Анастасовъ» и катеръ «Надежный» доставили изъ б. Америка во Владивостокъ отрядъ генерала Сахарова, оперировавшій въ этомъ районѣ.

ПЕРІОДЪ УПРАВЛЕНІЯ КРАЕМЪ ИЗЪ НИКОЛЬСКА-УССУРІЙСКАГО

23-го августа Правитель издалъ указъ, въ которомъ объявлялось, что для подготовки и организаціи обороны края онъ считаетъ необходимымъ перенести свое мѣстопребываніе въ Никольскъ Уссурійскій. Туда же переводилась и Земская Дума. На время отсутствія Правителя, начальствованіе тыловымъ райономъ было возложено на адмирала Старка.
(***Прим. редакціи***).

Этимъ указомъ на меня были возложены, кромѣ моихъ прямыхъ обязанностей, еще и обязанности Начальника Тыла.

Долженъ сказать, что наименованіе «Тылъ» совсѣмъ не подходило къ тому району, который былъ опредѣленъ таковымъ по указу, т. к., хотя въ этомъ районѣ и не было регулярныхъ войскъ противника, но за то онъ изобиловалъ кочующими шайками партизанъ, успѣшная борьба съ которыми была легка лишь прежнему гарнизону Владивостока, включавшему въ себя почти весь корпусъ ген. Молчанова. Теперь же всѣ части 3-го корпуса были выведены на фронтъ въ Спасскій районъ, и въ городѣ, кромѣ флотиліи, оставалась только Урало-Егерская бригада въ 250-300 штыковъ, переименованная въ резервъ городской милиціи и мнѣ не подчиненная. Изъ пѣхотныхъ частей, сформированныхъ при флотиліи, двѣ роты батальона Морскихъ Стрѣлковъ, развернутаго изъ бывшей отдѣльной роты, находились на охранѣ побережья Татарскаго пролива, ведя очень серьезную борьбу съ наступавшими красными, 3-я рота, формировавшаяся для Камчатки, была еще въ зачаточномъ состояніи и, наконецъ, Морская десантная рота находилась на Камчаткѣ. Единственный резервъ для борьбы съ партизанами, бывшій въ моемъ распоряженіи, состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ матросовъ, командъ ремонтирующихся кораблей, — элементъ хорошій по настроенію, но весьма мало пригодный для войны на сушѣ и особенно для борьбы съ партизанами.

Итакъ, съ назначеніемъ моимъ Начальникомъ Тыла, на флотилію съ прилежащими ей сухопутными частями легли слѣдующія задачи:

1. Охрана Владивостока (частично).
2. Борьба съ партизанами на полуостровѣ Муравьевъ-Амурскій и въ Посьетскомъ районѣ.
3. Охрана побережья Татарскаго пролива.
4. Поддержаніе блокады побережья залива Петра Великаго къ востоку отъ Владивостока.
5. Оборона Камчатки.
6. Охрана рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ и лѣсныхъ богатствъ въ районахъ побережья, занятыхъ нами.
7. Доставка пополненія и грузовъ отряду ген. Пепеляева, высаженному на побережье Охотскаго моря.

Эти задачи легли тяжелымъ бременемъ на немногочисленный составъ флотиліи и потребовали отъ него въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ нашего пребыванія во Владивостокѣ (сентябрь и октябрь) работы исключительнаго напряженія.

Лично на меня и на мой небольшой Штабъ легли вскорѣ послѣ отъѣзда Правителя въ Никольскъ еще и заботы чисто административнаго характера по проведенію въ жизнь во Владивостокѣ указовъ Правителя, вызываемыхъ чрезвычайно тяжелымъ положеніемъ государства и направленныхъ къ усиленію нашей обороноспособности.

Хотя по смыслу указа № 22 центральныя управленія Вѣдомствъ и не были мнѣ подчинены, но вскорѣ на практикѣ выяснилось несоотвѣтствіе обычной рутинной работы вѣдомствъ въ той обстановкѣ, которой вызывались послѣдніе указы Правителя, носившіе характеръ чрезвычайныхъ мѣръ, и мнѣ, какъ старшему военному начальнику во Владивостокѣ, пришлось принять эту заботу на себя.

Съ возложеніемъ на меня обязанностей Начальника Тыла мой штабъ былъ увеличенъ введеніемъ должностей Начальника Сухопутнаго Штаба Тыла и Старшаго Адъютанта *).

Къ этому времени относятся также нѣкоторыя перемѣны въ судовомъ и личномъ составѣ флотиліи.

Миноносцы «Твердый» и «Точный» были, по приказанію Правителя, запроданы генералъ-губернатору трехъ восточныхъ провинцій Китая Чжанъ-зо-лину и поставлены въ ремонтъ на Д. В. Заводъ. Личный составъ «Твердаго» былъ переведенъ на лед. «Байкалъ», который я рѣшилъ перевести въ разрядъ канонерскихъ лодокъ и вооружить артиллеріей ввиду предстоящей зимней борьбы съ партизанами на побережьи. Эск. мин. «Бойкій» былъ сданъ въ порту за негодностью, и личный составъ его поступилъ на охрану ремонтировавшихся миноносцевъ «Твердаго» и «Точнаго». Миноносецъ «Инж. мех. Анастасовъ» былъ сданъ въ порту и его личный составъ распредѣленъ по другимъ кораблямъ флотиліи.

Въ Штабѣ флотиліи также произошли перемѣны.

Незадолго до этого покончилъ жизнь самоубійствомъ флагъ-капитанъ по опер. части Штаба, кап. 2 р. С. Гарковенко. Должность его была замѣщена командиромъ м-ца «Инж. мех. Анастасовъ», лейтенантомъ И. Тихоміровымъ. Впослѣдствіи съ подготовкой флотиліи къ эвакуаціи Владивостока должность Флагъ-капитана по оперативной части была упразднена и замѣнена должностью старшаго Флагъ-офицера по оперативной части (онъ же флагманскій штурманъ), на каковой должности продолжалъ оставаться лейт. Тихоміровъ. Вмѣсто капитана 1 р. Ильина, получившаго назначеніе Начальникомъ 1-го дивизіона и ушедшаго на Камчатку, Начальникомъ 2-го дивизіона былъ назначенъ кап. 2р. Четвериковъ (к-ръ вспом. кр. «Лейт. Дыдымовъ»). Ввиду необходимости имѣть Штабъ-офицера отъ флотиліи и Тыла при Штабѣ Правителя и Воеводѣ въ Никольскѣ, кап. 2 р. Четвериковъ былъ откомандированъ для исполненія этихъ обязанностей въ Никольскъ съ оставленіемъ въ должности, к-ромъ «Дыдымова» былъ назначенъ лейт. Семенецъ (к-ръ «Стража»), а командиромъ «Стража» — мичманъ Петренко (комендантъ лед. «Байкалъ»).

*) На первую должность былъ назначенъ г. ш. полковникъ Бартеневъ, а на вторую флагъ-офицеръ по распорядительной части Штаба Флотиліи капитанъ артиллеріи Билюковичъ.

28 августа началась эвакуація японскими войсками Спасскаго района. Наши войска, выдвинутыя въ этомъ районѣ, оказались лицомъ къ лицу съ красными.

26 августа Правитель отдалъ приказъ Земской рати, въ которомъ призывалъ къ самоотверженному исполненію національнаго долга передъ Великой и Святой Родиной.

Приказъ этотъ впервые отмѣчалъ со стороны Русской Приморской власти нѣкоторое удовлетвореніе по поводу ухода японцевъ. Вскорѣ послѣ этого Правитель предъявилъ запросъ Японскому Командованію относительно возможности передачи намъ складовъ русскаго оружія, охраняемаго японцами. Армія дѣйствительно ощущала острый недостатокъ въ патронахъ. Японское Командованіе отвѣтило, что только въ моментъ окончательной эвакуаціи японскими войсками Владивостока оно рѣшитъ, кому и какимъ порядкомъ будетъ передано оружіе. Еще ранѣе былъ выработанъ планъ возбудить ходатайство о передачѣ оружія, выбранному населеніемъ городскому самоуправленію Владивостока, какъ бы основываясь на правѣ населенія организовать самоохрану въ виду тревожнаго положенія. Институтъ самоохраны, лояльный къ Власти, было предположено довести до 2000 человѣкъ. По словамъ генерала Андогскаго, выѣхавшаго въ Токіо для переговоровъ съ японцами, переговоры вначалѣ развивались успѣшно.

Въ началѣ сентября Правитель обратился къ Японскому Правительству съ ультимативнымъ требованіемъ передать склады оружія Русской Власти до 15 сентября, указывая, что въ случаѣ неисполненія этого ультиматума, онъ будетъ считать себя свободнымъ принять свои мѣры. На этотъ ультиматумъ не послѣдовало никакого отвѣта. Переговоры генерала Андогскаго въ Токіо прервались.

Въ началѣ сентября японцы эвакуировали Никольскъ-Уссурійскій. Ихъ войска оставались во Владивостокѣ, отъ Владивостока по линіи Уссурійской дороги до станціи Угольной и въ Посьетскомъ районѣ.

Съ цѣлью заставить общественность и населеніе участвовать въ оборонѣ государства, Правителемъ былъ созванъ Національный Съѣздъ, который собрался въ Никольскѣ-Уссурійскомъ 15 сентября, уже послѣ эвакуаціи города японцами. Расчетъ на подъемъ патріотическаго настроенія въ связи съ уходомъ японцевъ не оправдался. Объ этомъ съѣздѣ почти нечего сказать. Общественность, напуганная приближеніемъ врага, разрозненная прежними распрями и сбитая съ толку неожиданной и непонятной для многихъ структурой органовъ управленія, проявила къ этому съѣзду значительно меньшій интересъ, чѣмъ къ прежнимъ, почему на немъ отсутствовали многіе видные политическіе дѣятели минувшаго періода, и самъ Съѣздъ олицетворялъ собой предста-

вительство значительно менѣе широкихъ круговъ населенія, чѣмъ прежніе съѣзды несоціалистовъ. Этотъ съѣздъ былъ покоренъ волѣ Власти и настроенъ вполнѣ патріотически, но зато былъ совершенно безличенъ и лишенъ всякаго творческаго начала.

На открытіи Съѣзда, Правитель, ген. лейт. Дитерихсъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой онъ обрисовалъ тогдашнее положеніе государства и призывалъ къ объединенію и жертвамъ, чтобы спасти государство.

Одинъ, очень важный штрихъ во внѣшней политикѣ Приморья не былъ отмѣченъ Правителемъ въ его рѣчи. Это были наши отношенія съ Правителемъ трехъ восточныхъ провинцій Китая — маршаломъ Чжанъ-зо-линомъ. Этотъ, фактически независимый вице-король Манчжуріи находился въ стадіи подготовки къ новой войнѣ съ главой Чжилійской партіи Китая, маршаломъ У-пей-фу, только что нанесшимъ ему сильное пораженіе.

Ввиду затруднительности ввоза оружія въ Китай, Чжанъ-зо-линъ былъ заинтересованъ покупкой во Владивостокѣ всего, что онъ могъ отъ насъ получить. Конечно, главные запасы оружія находились подъ охраной японцевъ, но можно было надѣяться, что они когда-нибудь окажутся въ нашихъ рукахъ.

Сношенія съ маршаломъ, начатыя Н. Д. Меркуловымъ, еще въ бытность его членомъ Правительства, черезъ своего друга, китайскаго генерала, приближеннаго Чжанъ-зо-лина, вскорѣ приняли вполнѣ опредѣленныя формы. Первое посольство Чжанъ-зо-лина, прибывшее во Владивостокъ въ концѣ августа, заключило съ Правителемъ договоръ о продажѣ двухъ миноносцевъ типа «Т», причемъ мы должны были, за счетъ маршала, отремонтировать ихъ на Дальневосточномъ заводѣ и доставить ихъ въ Инкоу. Задатки и деньги на ремонтъ въ суммѣ 67.500 іенъ были вручены. Тогда же китайцы получили нѣсколько вагоновъ съ военными грузами, кажется, главнымъ образомъ, ручными гранатами.

Ввиду приближенія срока эвакуаціи Владивостока японцами, Н. Д. Меркуловъ въ концѣ сентября выѣхалъ въ Мукденъ, чтобы окончательно сговориться съ маршаломъ по дѣлу о покупкѣ оружія. Всѣ эти переговоры, державшіеся въ строжайшей тайнѣ, были, конечно, до нѣкоторой степени извѣстны старшимъ начальникамъ въ арміи и будучи недооцѣнены, создавали наивную вѣру въ дружественность къ намъ Чжанъ-зо-лина при всякихъ обстоятельствахъ. Въ дальнѣйшемъ это обстоятельство сыграло немаловажную роль въ моментъ рѣшительной схватки съ большевиками.

20 сентября Съѣздъ закрылся, вынеся рядъ резолюцій о необходимости всеобщей жертвенности для обороноспособности государства. Оставшаяся послѣ закрытія Съѣзда, созданная имъ организація, именовавшаяся «Совѣтъ Самообороны», оказалась совершенно нежизненной и ничего не сумѣла организовать.

Между тѣмъ, развѣдка указывала, что мы имѣли около 2-3 недѣль времени пока большевики подтягивали резервы, готовясь перейти въ рѣшительное наступленіе.

Правителемъ было приказано перейти въ наступленіе на двухъ участкахъ — желѣзнодорожномъ отъ Спасска на Иманъ и правѣе на Анучино. Послѣ первыхъ успѣховъ, войска, встрѣтивъ сильное сопротивленіе, остановились и отошли въ исходное положеніе. Все время давалъ себя чувствовать недостатокъ ружейныхъ патроновъ. Во Владивостокѣ было много предложеній купить винтовки и патроны, но всѣ они были окутаны такой таинственностью, что нельзя было рѣшить, серьезное ли это предложеніе, но ни разу не удалось получить какіе-либо реальные результаты, ибо всѣ предложенія дѣлались черезъ мелкихъ посредниковъ, требовавшихъ деньги впередъ, а вѣры имъ быть не могло.

26-го сентября Правитель издалъ указъ, въ коемъ указывалъ, что въ виду критическаго положенія, всѣ силы и средства должны быть обращены къ защитѣ края. Согласно указа, временно закрывались всѣ высшія учебныя заведенія и военныя училища для призыва учащихся въ войска, призывалось ополченіе, во Владивостокѣ 4000 ч. и въ Никольскѣ 700 ч., формировались офицерскіе батальоны, ратники снабжались теплой одеждой средствами городскихъ самоуправленій, и по готовности немедленно отправлялись на фронтъ и образовывался особый фондъ на нужды войны.

Общее наблюденіе за проведеніемъ въ жизнь этого указа было поручено сначала Совѣту Земской Думы. Однако, Совѣтъ этотъ, бывшій въ Никольскѣ, не могъ руководить работой во Владивостокѣ.

Дума, Совѣтъ Думы, Совѣтъ Внѣшнихъ Дѣлъ, Совѣтъ Внутреннихъ Дѣлъ, Министерства преобразованныя къ тому времени въ Думскія комиссіи по управленію Вѣдомствами, Городская Дума, Городская Управа, Совѣтъ Самообороны, Совѣтъ Съѣзда — всѣ эти многочисленныя коллегіальныя организаціи имѣли каждая свою долю участія въ осуществленіи повелѣній Правителя, однако взаимодѣйствіе ихъ было еще далеко не налажено и путаница царила необычайная.

Въ результатѣ, указъ произвелъ сначала сильное впечатлѣніе на обывателей, предположившихъ, что Правитель рѣшилъ добиться его осуществленія во что бы ни стало, но, нѣсколько дней блѣдной дѣятельности различныхъ коллегій расхолодили обывателя. Образовывалось теченіе, направленное къ изысканію средствъ и способовъ уклониться отъ исполненія указа. Торгово - Промышленная Палата, напримѣръ, вынесла открыто постановленіе о своемъ отказѣ въ участіи въ сборахъ въ особый фондъ Правителя.

Во время состоявшагося въ эти дни моего свиданія съ Правителемъ, онъ приказалъ мнѣ оказать посильное содѣйствіе въ проведеніи въ жизнь этого важнѣйшаго указа. Предполагая, что этимъ онъ даетъ мнѣ свободу дѣйствій, какъ начальнику Тыла, его Помощнику и Замѣстителю во Владивостокѣ, я испросилъ предварительно повелѣнія Правителя о запрещеніи лицамъ призывного возраста выѣзда изъ Приморья и приступилъ къ разработкѣ мѣропріятій, могущихъ исправить дѣло.

Мною были приглашены для совѣщанія различные дѣятели городского самоуправленія и представитель торгово-промышленниковъ изъ числа наиболѣе активно настроенныхъ, послѣ чего была выработана программа дѣйствій. Торгово-промышленная палата, какъ вступившая на путь сопротивленія Верховной Власти, была моимъ приказомъ распущена и закрыта. Мною было предписано Городской Думѣ собраться и выработать порядокъ исполненія городскимъ населеніемъ указа Правителя. Вооруженный караулъ, присланный къ дверямъ Думы послѣ открытія ея засѣданія свидѣтельствовалъ, что Дума не будетъ распущена пока не будетъ вынесено необходимое постановленіе. Въ результатѣ этого засѣданія была избрана комиссія, коей Думой было поручено произвести раскладку принудительнаго обложенія наиболѣе состоятельныхъ лицъ и предпріятій города. Черезъ нѣсколько дней списокъ лицъ и размѣры обложенія были представлены мнѣ. Составъ комиссии былъ доложенъ Правителю и имъ утвержденъ.

12 октября, приказомъ № 25 я объявилъ этотъ списокъ и приказалъ внести обложеніе по частямъ, причемъ первый взносъ было приказано внести 13 октября. Неисполнившимъ приказа угрожалъ арестъ и конфискація имущества. Казначейство, доносившее въ теченіе нѣсколькихъ дней объ отсутствіи поступленій въ фондъ Правителя, 13 октября донесло о поступленіи нѣсколькихъ тысячъ рублей, кромѣ того я получилъ болѣе ста прошеній съ ходатайствомъ объ отсрочкѣ, объ уменьшеніи размѣровъ обложенія, о разрѣшеніи внести его не деньгами, а натурой и т. п.

Стало ясно, что у населенія и промышленниковъ средства были, но что никакими призывами отъ нихъ ничего получить нельзя, и только суровыя мѣры могли обѣщать успѣхъ. Я твердо рѣшилъ продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ.

Но въ тотъ же день я получилъ по телеграфу Указъ Правителя, въ которомъ онъ, жалуясь на отсутствіе жертвенности у русскихъ людей и указывая на то, что армія, истекающая кровью, покинута населеніемъ, отмѣнялъ всѣ мои распоряженія. Указъ, копіи у меня не сохранилось, кончался словами: „Богъ имъ судья!“

Послѣ этого ничего не могло помочь пополненію фонда Правителя.

Такими же мягкими пріемами Власти сопровождался и призывъ ратниковъ. Въ результатѣ Начальникомъ Резерва Рати былъ сформированъ офицерскій батальонъ (около 200 чел.) и было отправлено для пополненія арміи около 600 чел. ратниковъ. Принимая во вниманіе 200.000 населеніе Владивостока, эти цифры представляются болѣе чѣмъ ничтожными.

Между тѣмъ красные, подтянувъ резервы, начали обнаруживать активность на фронтѣ. Уже 6 октября черезъ офицера для связи при Штабѣ Рати я получилъ отъ Правителя слѣдующую телеграмму:

„Срочно Владивостокъ Начальнику Тыла Адмиралу Старкъ для личнаго расшифрованія:

По приказанію Правителя срочно передаю: Начальнику Тыла шестого октября вполнѣ опредѣлился переходъ противника къ активнымъ дѣйствіямъ съ участіемъ подкрѣпленій, прибывшихъ изъ Забайкалья. Несмотря на частичные успѣхи нашихъ контръ-ударовъ, недостатокъ ружейныхъ патроновъ ясно мнѣ указываетъ, что борьба не сможетъ быть затяжной, ибо отстаивать упорно территорію одной артиллеріей и холоднымъ оружіемъ противъ пулеметовъ и ружейнаго огня не представляется надежнымъ. Въ такой обстановкѣ меня безпокоятъ семьи арміи во Владивостокѣ. Подготовьте необходимыя плавучія средства, чтобы въ крайности перебросить семьи на Русскій островъ. Дитерихсъ. № 6. Кавторангъ Четвериковъ".

Эта телеграмма, совершенно секретнымъ порядкомъ ставившая меня въ извѣстность о критическомъ положеніи фронта, и то обстоятельство, что я узналъ, что Правитель намѣревается дать рѣшительчый бой большевикамъ между 10 и 15 октября, были лишними доказательствами необходимости заставитъ тылъ немедленно дать все, что онъ могъ для фронта, т. е. ускорить исполненіе указа, что побудило меня не ожидать больше продуктовъ работы коллегіи и самому принять тѣ суровыя мѣры, которыя, по моему мнѣнію, еще могли спасти положеніе и которыя, какъ я выше указывалъ, были неожиданно отмѣнены повелѣніями Правительства.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Кап. 2 р. П. Л. Свѣтликъ.

ТѢНИ ПРОШЛАГО....

Воспоминанія о службѣ въ Русскомъ Императорскомъ Флотѣ.

Тѣни прошлаго... Какъ безконечно милы теперь эти тѣни прошлаго, и какъ священны образы ушедшихъ, исполнившихъ свой долгъ до конца...

I. МОРСКОЙ КОРПУСЪ.

По окончаніи въ 1899 году 6-ой классической гимназіи въ Петербургѣ, я держалъ конкурсный экзаменъ въ Морской Корпусъ, директоромъ котораго былъ тогда контръ-адмиралъ Кригеръ.

Въ Морской Корпусъ поступали въ мое время дѣти потомственныхъ дворянъ, или морскихъ офицеровъ. Для пріема требовались познанія приблизительно 3-го — 4-го класса гимназіи. затѣмъ шелъ общеобразовательный курсъ — пять лѣтъ, или, какъ называлось тогда, въ 6-ой, 5-ой, 4-ой, 3-ей, 2-ой ротахъ. Потомъ переходили въ спеціальные классы: младшій, средній и старшій, послѣдніе два класса — двѣ гардемаринскія роты. Я не помню, но, кажется, незадолго до меня, Морской Корпусъ, чтобы увеличить выпуски офицеровъ, сталъ принимать въ младшій спеціальный классъ молодыхъ людей, окончившихъ общеобразовательный курсъ въ другихъ училищахъ. Отъ поступавшихъ требовалось только представленіе бумагъ о дворянствѣ и полное здоровье. Строгій конкурсный экзаменъ провѣрялъ общеобразовательную подготовку. Такимъ образомъ, я былъ „нигилистомъ", какъ прозывали насъ, поступавшихъ въ спеціальные классы, коренные воспитанники Морского Корпуса.

Экзамены я выдержалъ съ среднимъ баломъ около 11 и былъ принятъ въ младшій спеціальный классъ. Послѣ подробнаго медицинскаго осмотра и обмундированія я, вмѣстѣ съ другими принятыми, былъ отправленъ на баржѣ въ Кронштадтъ, на учебное судно „Воинъ", подъ командой капитана 1 р. Егорьева.

Въ моемъ роду съ 16-го вѣка не было военныхъ. Самъ я въ гимназіи былъ очень склоненъ къ мечтательности, къ свободомыслію и ... къ художественной литературѣ, — поэтому вся учебная и служебная обстановка на „Воинѣ" сначала меня поразила, а потомъ нѣсколько испугала.

Дѣйствительно, можно ли девятнадцатилѣтнему лѣнтяю, писавшему въ гимназическомъ журналѣ сентиментальные стихи, сразу привыкнуть къ такому режиму:

Вставать въ 6 час. утра, въ ничтожныя минуты связать свою койку (дѣло для меня невозможное безъ участія корпусного дневальнаго), вынести ее наверхъ, въ сѣтки, а потомъ, по командѣ „по вантамъ!", бѣгомъ взбираться черезъ марсы и салинги вверхъ и такимъ же образомъ внизъ. Потомъ на подвѣсныхъ столахъ пить чай, потомъ бѣжать къ „фитилю" покурить, потомъ какая-нибудь приборка, вродѣ чистки мѣдяшки, потомъ скачиваніе и пролопачиваніе палубы, а иногда и мытье своихъ коекъ. И, наконецъ, торжественное стояніе во фронтѣ при подъемѣ флага и утренней встрѣчѣ съ командиромъ.

Потомъ — обученіе морскому дѣлу: изученіе рангоута такелажа и парусности, какъ судовой, такъ и шлюпочной, и практика вязанія всевозможныхъ узловъ. Въ 11 час. обѣдъ и отдыхъ до половины второго. Послѣ обѣда опять какое-нибудь ученіе, напримѣръ, шлюпочное. Каждый воспитанникъ имѣлъ номеръ и былъ внесенъ въ судовыя расписанія: рота, вахта, завѣдуемая имъ часть корабля, шлюпка, боевое расписаніе, аварійное, пожарное, по рангоуту и парусамъ, авральное и другія. Конечно, насъ перемѣщали по расписаніямъ и шлюпкамъ, но я всегда былъ лѣнтяемъ и старался найти себѣ дѣло поспокойнѣе. Шлюпки, напримѣръ, я любилъ устойчивыя, и хоть не показныя, но зато спокойныя, напримѣръ, шестерки и баркасы — парусность спокойная, на волнѣ держатся хорошо, не замокнешь, на гонкахъ выступаютъ рѣже. А я терпѣть не могъ гонокъ, особенно гребныхъ, когда приходилось напрягать всѣ свои силы.

Однажды, на парусныхъ гонкахъ шестерокъ — кажется въ слѣдующемъ году, на „Рындѣ" — къ концу гонокъ, находясь въ серединѣ, я рѣшилъ обогнуть каменистый мысокъ, не дѣлая короткаго галса, который уже дѣлали впереди идущіе, а рискнуть пройти, пользуясь тѣмъ, что моя шлюпка могла идти очень круто. Рискнулъ и прошелъ, хотя и чуть не срѣзалъ вѣху. Пришелъ первымъ, но получилъ.... выговоръ за ненужный рискъ. А я сдѣлалъ это только по лѣни.

Здѣсь нужно сдѣлать маленькое отступленіе. Дѣло въ томъ, что если я считаю свой трудъ нужнымъ и даже дерзаю обѣщать, что онъ можетъ быть и интереснымъ, то естественно, долженъ соблюдать два непріятныхъ условія: во первыхъ, писать только о томъ, что дѣйствительно сохранилось въ памяти и, во вторыхъ, только то, образъ чего мнѣ сейчасъ ясенъ, хотя и кажется непріятнымъ. Затѣмъ, т. к. исполненіе перваго условія даетъ только обрывки воспоминаній, то постараться связать эти обрывки въ такое цѣлое, которое могло бы отвѣчать общей цѣли,

а именно — дать исторію своихъ впечатлѣній о службѣ на Императорскомъ флотѣ и о средѣ, въ которой я находился. Вѣдь изъ обрывковъ воспоминаній нельзя сдѣлать эпическаго повѣствованія не фантазируя, а всякая фантазія въ фактахъ нарушитъ ту маленькую цѣнность моего труда, на которую я разсчитываю.

Впечатлѣній своихъ я не забылъ, хотя стерлись горечь и радость ихъ. Поэтому мнѣ представляется цѣль моего труда такъ: въ формѣ послѣдовательныхъ впечатлѣній дать образъ того учрежденія, въ которомъ я прослужилъ около двадцати лѣтъ, и если моя работа будетъ импрессіонизмомъ, то она зато не будетъ поддѣлкой подъ дѣйствительность.

И еще, не случайно я буду иногда подчеркивать нѣкоторые стороны своего характера, а слѣдовательно и субъективность своихъ впечатлѣній. Ужъ если только впечатлѣнія, значитъ субъективность.

Я, конечно, не помню подробностей своего пребыванія въ Морскомъ Корпусѣ. Этотъ трехлѣтній періодъ жизни почти совсѣмъ стерся изъ моей памяти, кромѣ нѣкоторыхъ картинъ глубже врѣзавшихся въ нее, и нѣкоторыхъ фигуръ преподавателей. Но, зато, общій обликъ Корпуса передо мной стоитъ ясно, опредѣленно и неизмѣнно!

Плаваніе на „Воинѣ“ сначала производило впечатлѣніе какой-то большой экспедиціи, но очень скоро это первое плаваніе, даже на такомъ незначительномъ кораблѣ, дало мнѣ понять, что я нахожусь только въ первомъ подготовительномъ періодѣ къ послѣдующему важному, не легкому, но очень интересному и даже увлекательному дѣлу.

На кораблѣ мы, воспитанники, какъ матросы, были въ постоянномъ и полномъ распоряженіи командованія. Корпусные, такъ называемые, „воспитатели“ на кораблѣ уже не имѣли почти никакого значенія. Начиная отъ выноса коекъ, бѣганія по вантамъ и паруснаго ученія, мы состояли въ судовомъ составѣ и подчинялись офицерамъ корабля по расписаніямъ. И тутъ я могъ убѣдиться, что настоящіе офицеры это на корабляхъ, — они-то и являются въ дѣйствительности нашими воспитателями. Напримѣръ, капитанъ 1 ранга Егорьевъ, командиръ корабля, высокій, стройный, красивый человѣкъ, всегда безукоризненный во всемъ, всегда любезный со всѣми. Онъ всегда самъ читалъ намъ Морской Уставъ на шканцахъ послѣ воскреснаго смотра, всегда лично наблюдалъ шлюпочное и парусное ученіе, отдавая короткія и точныя приказанія. Словомъ, онъ былъ для насъ отличнымъ образцомъ морского офицера. Затѣмъ я скоро замѣтилъ и запомнилъ чрезвычайно важную и для меня неожиданную сторону педагогической системы и жизненныхъ отношеній въ морской школѣ, да и въ морскихъ кругахъ. Какъ я уже упоминалъ, мы, воспитанники, въ этотъ первый годъ плаванія должны

были сами не только выносить свои койки, но и мыть ихъ на верхней палубѣ по расписанію и затѣмъ вѣшать ихъ для просушки на специальныхъ бѣльевыхъ леерахъ. Все это мы дѣлали подъ наблюденіемъ судовыхъ офицеровъ и по указанію боцмана и унтеръ-офицеровъ. И вотъ, расположившись на строго опредѣленномъ мѣстѣ палубы, я мылъ свою койку рядомъ со своимъ другомъ княземъ А. Щербатовымъ, наслѣдникомъ Строгановскихъ милліоновъ и обладателемъ историческаго имени, извѣстнаго всѣмъ. И это было такъ естественно у насъ. И тогда я вспоминалъ свою гимназію. Тамъ, въ моемъ выпускѣ, было трое очень важныхъ мальчиковъ: сынъ богатаго владѣльца лавокъ, сынъ табачнаго фабриканта и сынъ полицейскаго пристава. Всѣ эти мальчики, особенно полицейскій, старались не обращаться и не разговаривать съ бѣдными, а въ гимназіи таковыхъ было много. Они, эти „важные", пріѣзжали на рысакахъ, суховато разговаривали съ учителями, получали хорошіе баллы и потомъ, конечно, пошли въ университетъ. Въ морской же средѣ нельзя было замѣтить никакой разницы въ отношеніи къ князю Щербатову и ко мнѣ, довольно чужому человѣку, русскому только по матери. Въ моемъ выпускѣ были поляки, нѣмцы, финляндцы, и сыновья морскихъ офицеровъ изъ нижнихъ чиновъ. И каждый изъ насъ явно разсматривался начальствомъ съ одной, главной точки зрѣнія: — каковъ ты человѣкъ и какой будешь офицеръ. Конечно было иногда замѣтно нѣкоторое особое вниманіе къ такимъ, какъ мой товарищъ А. Бутаковъ, племянникъ знаменитаго адмирала Г. И. Бутакова и сынъ генералъ-адъютанта, адмирала И. И. Бутакова. Но мальчикъ и самъ заслуживалъ вниманія своими духовными качествами. Потомъ онъ славно погибъ на сухопутномъ фронтѣ, смертельно раненый у острова Янушъ-Кемпа, 14 декабря 1914 г., командуя ротой Отдѣльнаго батальона Гвардейскаго Экипажа.

Здѣсь я прошу читателя извинить меня, я сдѣлаю маленькое отступленіе. Вообще, мнѣніе нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ нашихъ о морской средѣ и Морскомъ Корпусѣ было невѣрно и несправедливо. Его называли привилегированнымъ и аристократическимъ учрежденіемъ — объ этомъ я скажу два слова.

Привилегированность его сводилась лишь къ правамъ, которыя давались и другимъ высшимъ специальнымъ училищамъ — чинъ 10-го класса и право занимать всѣ государственныя должности. Однако, слишкомъ сильная сокращенность курсовъ гуманитарныхъ наукъ и специальная сокращенность точныхъ наукъ въ программѣ Морского Корпуса не давали морскому офицеру возможности быть преподавателемъ въ средней школѣ — для этого ему нужно было пробыть еще два года въ Морской Академіи.

Что касается аристократизма Морского Корпуса, то необ ходимо взять хотя бы такую справку: изъ 150 человѣкъ

напримѣръ, моего выпуска было не болѣе 15-20 % лицъ изъ родовъ средневѣковаго происхожденія, частью изъ родовъ княжескаго и боярскаго допетровскаго періода исторіи Россіи, и частью иностраннаго происхожденія. Вся остальная масса происходила изъ наслѣдственно-морской среды или изъ служилаго дворянскаго сословія Императорскаго періода исторіи.

Традиція создавалась и складывалась во времена паруснаго флота. И вотъ, пробывъ въ Корпусѣ только три года, я могъ вполнѣ убѣдиться и понять, что такія фигуры прошлаго, какъ Нахимовъ, Корниловъ, Сенявинъ и имъ подобные, были созданы этой традиціей, закрѣпили ее и передали дальше. И можно утверждать, что этотъ аристократизмъ духа въ морской средѣ, всѣми чтимый, былъ много распространеннѣе и ширѣ, чѣмъ аристократизмъ только происхожденія, такъ ненавистнаго въ нашихъ общественныхъ кругахъ. А ужъ объ „аристократизмѣ“ въ ковычкахъ, о карьеризмѣ, шаркунствѣ и говорить нечего, его не только не уважали, его морально преслѣдовали, какъ товарищи сослуживцы, такъ и начальство.

Но была въ нашей традиціи сторона и нехорошая, невыгодная. Хорошо помню, что даже тогда, послѣ гимназіи, я почувствовалъ нѣкоторый недостатокъ, а иногда нѣкоторое пренебреженіе къ гуманитарной части курса въ Морскомъ Корпусѣ. Напримѣръ, у нѣкоторыхъ „нигилистовъ“ было нѣсколько большее пониманіе ходожественной и научно-политической литературы. Это обстоятельство какъ-то саркастически принималось въ Корпусѣ, хотя и не порицалось. А вѣдь этотъ недостатокъ гуманитарнаго образованія очень мѣшалъ разширенію сознанія человѣка, и не потому ли мы были въ большинствѣ такъ наивны политически?

Впрочемъ, думая сейчасъ объ этомъ, нельзя не замѣтить, что этотъ же недостатокъ и еще, можетъ быть, въ большемъ масштабѣ, есть и у другихъ подобныхъ школъ другихъ народовъ, такъ что обвинять Морской Корпусъ особенно не приходится. Развѣ сейчасъ не ставились стратегически неправильныя, даже невозможныя задачи только потому, что судьбы народовъ находились въ рукахъ очень узко думающихъ политиковъ, принимающихъ свою ловкую дипломатическую игру за глубокомысліе. Нѣтъ, нашъ Корпусъ былъ отчасти не хуже, а отчасти и лучше другихъ подобныхъ школъ!

Такъ вотъ, во время мытья коекъ я подумывалъ, вотъ бы сюда моихъ гимназистовъ, поучиться хотя бы обращенію съ людьми и отношенію къ своей особѣ! Можетъ быть и революція наша не была бы такъ глубока и даже смертельна для нашей національности! Я помню своихъ учителей по гимназіи: сухой мертво-бездарный чиновникъ Моръ, по латинскому языку; онъ очень гордился своей Станиславской лентой и чиномъ. Громадный нескладный чехъ — „пепайдеука“ (что значитъ по русски: сказалъ — его любимое слово), по греческому языку. Онъ былъ совершенно

увѣренъ, что всѣ должны говорить по-гречески. Эпилептикъ, крайній революціонеръ, молодой человѣкъ — по русскому языку, и другіе. И всѣ эти люди были совершенно равнодушны къ моимъ занятіямъ и къ моей личности.

Въ Морскомъ Корпусѣ занятія и обученіе были поставлены совершенно иначе. Для поступленія въ младшій спеціальный классъ требовалось выдержать конкурсный экзаменъ. Программа, на первый взглядъ, не превышала курса гимназіи или реальнаго училища, но самыя задачи, предлагаемыя на экзаменѣ, были много серьезнѣе. Причемъ, аттестатъ средней школы, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, не принимался во вниманіе и даже не требовался. Въ первый же годъ пребыванія въ младшемъ спеціальномъ классѣ я понялъ, почему здѣсь не была принята лекціонная система со свободными по времени зачетами. Здѣсь нужно было въ три года пройти такую программу, что нельзя было терять ни одного дня. Мало того, нужно было пройти хорошо, т. к. самъ флотъ принималъ свою молодежь на выпускномъ экзаменѣ, какъ по занятіямъ, такъ и по нравственному облику, обрисованному въ аттестатахъ.

Учиться было не трудно, потому что было точно, ясно, тщательно обдумано все, что касалось программы. Эта точность и дисциплинированность занятій заставляла работать даже лѣнтяевъ, т. ч. я бывалъ даже первымъ въ классѣ и однимъ изъ лучшихъ въ ротѣ. Но работали, пожалуй, всѣ, — я при выпускѣ имѣлъ 11 баловъ въ среднемъ и кончилъ 30-мъ изъ 150 человѣкъ.

Однако, эта система имѣла и условно-отрицательную сторону. Система преподаванія въ спеціальныхъ классахъ была чѣмъ-то среднимъ между лекціонной и преподавательской. Читались лекціи, уроки не задавались, но каждый преподаватель, болѣе или менѣе часто, провѣрялъ знанія гардемаринъ, спрашивая ихъ у доски по пройденному курсу и выставляя отмѣтки. Такимъ образомъ, воспитанникъ самъ не могъ располагать своимъ временемъ, его направлялъ учитель. Это отнимало иниціативу у воспитанника и способность самостоятельнаго изученія предмета. А вѣдь по всѣмъ предметамъ у насъ были или отлично составленныя лекціи или книги, т. ч. ученику легко было оріентироваться. Но по моему мнѣнію, это еще развивало нѣкоторое легкомысліе мальчишества, школьничество. Выходило, что люди съ аттестатомъ зрѣлости оставались незрѣлыми даже въ серьезныхъ занятіяхъ. Поясню это. Вѣдь въ основномъ наше ремесло — передній мостикъ любого корабля. Большого, малаго, военнаго, торговаго, надводнаго, подводнаго. Мы должны были научиться командовать этимъ кораблемъ во всѣхъ отношеніяхъ, а не строить его. Отсюда вытекаетъ программа Корпуса. Напримѣръ, въ математикѣ намъ нужно было научиться находить интегралъ, но мы не должны

были умѣть составлять дифференціональнаго уравненія. Мы должны были, вообще говоря, умѣть прочесть математическое выраженіе уже рѣшенной технической задачи, но не рѣшать его. Такимъ образомъ, математика для насъ становилась предметомъ половинчатымъ, не полноцѣннымъ, а слѣдовательно, и отношеніе къ нему — легкомысленное. Читалъ намъ этотъ курсъ въ младшемъ спеціальномъ классѣ полковникъ Михайловъ, маленькій человѣкъ со смѣшной походкой, за которую онъ былъ нашими охотниками прозванъ „куропаточкой"

Вотъ входитъ онъ въ классъ торопливой и чуть спотыкающейся походкой.

— „А-а... куропаточка!" — раздается въ двухъ-трехъ мѣстахъ класса.

Но онъ, не обращая на это вниманія, выслушиваетъ рапортъ дежурнаго, садится къ столу, достаетъ свои записки и начинается лекція.

Но разъ какъ-то ему крикнули не „куропаточка", а кажется, „зайчикъ". Тогда онъ оглянулъ аудиторію и съ нѣкоторой досадой сказалъ: „Зовите меня куропаткой... чѣмъ хотите... слономъ даже... но не зайчикомъ!"

— „Слономъ!... Го-го-го! ха-ха-ха!" —

Такъ же, болѣе или менѣе легкомысленно, относились и къ другимъ предметамъ неполноцѣннымъ, вродѣ фортификаціи, напримѣръ. Ее преподавалъ генералъ-майоръ инженерныхъ войскъ Мадрахъ. Онъ былъ совершенно глухой, но очень точный и аккуратный во всѣхъ отношеніяхъ, даже нарядный въ своихъ чудныхъ сапогахъ съ отличными шпорами. Онъ входилъ, четко маршируя и позванивая шпорами, останавливался передъ дежурнымъ, выслушивалъ или, вѣрнѣе, делалъ видъ что выслушиваетъ рапортъ. А дежурный рапортовалъ ему такъ:

— „Трахъ, тарарахъ, генералъ-майоръ Мадрахъ, на высокихъ каблукахъ! Трахъ!" —

— „Хорошо" — говорилъ генералъ и приступалъ къ лекціи объ окопахъ и брустверахъ.

Но, конечно, далеко не со всѣми преподавателями можно было шутить.

Исторію Церкви намъ преподавалъ протоіерей Бѣлявскій, нашъ корпусной священникъ, который преподавалъ и нашему директору адмиралу Кригеру въ свое время.

Очень высокій худой старичекъ усаживался у стола, разворачивалъ свои записки и задумчиво потрогивалъ носъ у ноздри, это была его постоянная привычка. Потрогавъ, щелчкомъ какъ будто что-то отбрасывалъ.

На передней скамейкѣ графъ Толстой вдругъ вскрикиваетъ и съ шумомъ лѣзетъ подъ столъ.

— „Ты что... тамъ?“ — спрашиваетъ старичекъ тихимъ, шелестящимъ и спокойнымъ голосомъ.

— „Въ меня попали... батюшка... я и прячусь!...“ —

— „Пошелъ вонъ, дрянной мальчишка!!! Пошелъ изъ класса!“ — тѣмъ же спокойнымъ тономъ говоритъ батюшка, и никакія извиненія не помогаютъ. Толстой уходитъ.

А вѣдъ на такихъ лекціяхъ, какъ по астрономіи, девіаціи компасовъ, и прочихъ полноцѣнныхъ, — полное вниманіе, торопливое записываніе, словомъ, работа и полная тишина.

Такое школьничество объясняется еще тѣмъ, что Корпусъ былъ закрытымъ учебнымъ заведеніемъ даже въ старшихъ спеціальныхъ классахъ. И конечно, въ свободное время молодежи нужно было развлечься, ну а развлекались большей частью по-мальчишески. А это приводило къ какой-то безотвѣтственности въ своихъ забавахъ и легкомыслію въ мышленіи.

Помню, напримѣръ, дежурные офицеры ведутъ въ строю роты къ обѣду въ Столовый залъ. Нашу роту ведетъ лейтенантъ Г. Сзади идутъ слѣдующія роты со своими офицерами во главѣ. Въ послѣднихъ рядахъ нашей роты вдругъ раздается, подъ правильный ритмъ шага, не очень громко, но музыкально въ тактъ:

— „Обол--дуй... обол--дуй... обол--дуй...“ —

Это было прозвище лейтенанта Г.

Офицеръ, идущій непосредственно за нашимъ послѣднимъ рядомъ, услышавъ этотъ припѣвъ, скомандовалъ: -- „Роты, стой!“. Роты остановились.

Нашъ лейт. Г., услышавъ команду и остановку, безпокойно бѣжитъ назадъ и кричитъ офицеру:

— „Что такое?... Почему ты остановилъ мою роту?“ —

— „Въ послѣднихъ рядахъ твоей роты выкрикиваютъ неприличныя слова. Надо извлечь „музыкантовъ“...“ —

— „Что они выкрикиваютъ?“ — уже встревоженно спрашиваетъ лейт. Г.

— „Оболдуй“ —

— „А-а...“ успокоенно тянетъ лейт. Г. — „Это они меня зовутъ такъ, не тебя. Пошли... Рота, шагомъ маршъ!“ —

Пришли въ Столовый залъ, разсѣлись, начинаемъ обѣдъ. А наверху, на хорахъ, взмахъ дирижерской палочки и отличный оркестръ начинаетъ увертюру изъ „Руслана“.

Инцидентъ исчерпанъ.

Бывали и въ плаваніи курьезы отъ нашихъ шалостей. Примѣръ. Кадетскій Отрядъ учебныхъ судовъ въ кильватеръ идетъ въ шхеры. Флагманскій корабль, старый полупарусный крейсеръ „Генералъ-Адмиралъ“. На немъ адмиралъ Остелецкій, начальникъ

отряда. За нимъ „Воинъ“, „Вѣрный“, „Рында“. Строй держатъ отлично. Адмиралъ на мостикѣ. Докладываютъ, что время мѣнять курсъ.

— „Мѣняйте!“ —

Штурманъ командуетъ рулевому — „лѣво руля!“ — Рулевой приводъ ручной. Штурвалъ большой... маневръ не очень быстрый. Корабль катится, за нимъ катятся и всѣ корабли отряда.

— „Одерживай!“ — командуетъ штурманъ, подходя къ новому курсу и скоро, на курсѣ — „Такъ держать!“ —

Но корабль продолжаетъ катиться, а рулевой изо всѣхъ силъ старается повернуть штурвалъ и не можетъ.

— „Ваше Высокоблагородіе... руль заѣло!..“ —

— „Что такое?“ — сердито говоритъ командиръ — „Нажми!.. Право руля!“ —

Но штурвалъ не идетъ. Корабль катится. Докладываютъ адмиралу о неисправности.

— „Подымите сигналъ: „не слѣдовать движенію адмирала“. Исправляйте скорѣе!“ —

Командиръ посылаетъ внизъ рулевыхъ и офицера осмотрѣть приводъ, найти поврежденіе и немедленно его исправить. Бѣгутъ, и въ рулевомъ отдѣленіи находятъ кадета, который задумчиво, при помощи щепки и рукой, держитъ шестеренку привода, желая опредѣлить, можетъ ли онъ удержать ее. И держитъ крѣпко!

Любознательный кадетъ представленъ адмиралу, который въ гнѣвѣ отправляетъ мальчика „на салингъ“ — это самая высокая перекладина на мачтѣ. Но адмиралъ скоро „отошелъ“. Добродушно посмотрѣвъ на сидящего на рогахъ салинга кадета, онъ вдругъ приказываетъ:

— „Снимите мальчика съ салинга... не упалъ бы на ходу!..“ —

Но зато были и такіе, полноцѣнные, предметы и такіе преподаватели, у которыхъ уже невозможно было мальчишество и нужно было полное вниманіе. Вотъ, напримѣръ, фигуры, до сихъ поръ сохранившіяся въ памяти:

Полковникъ Григорій Ивановичъ Шульгинъ — астрономія. Потомъ онъ былъ Начальникомъ Морской Академіи. Онъ неторопливо входилъ, выслушивалъ рапортъ дежурнаго, на нѣсколько минутъ садился за свой столъ, просматривалъ свою записную книжку или что нибудь спрашивалъ у насъ, потомъ вставалъ и, подойдя къ доскѣ, бралъ мѣлъ и циркуль. Если мѣлъ былъ нехорошо обточенъ, онъ выбрасывался, а прибѣжавшій дневальный немедленно исправлялъ недосмотръ. Затѣмъ вычерчивалъ циркулемъ на доскѣ кругъ и отъ руки точные и аккуратные сферическіе углы: это склоненіе, прямое восхожденіе, часовой уголъ... — начинается выписываніе красивыхъ, какъ напечатанныхъ, буквъ,

цифръ, знаковъ... Онъ насъ училъ, что прежде чѣмъ начать заниматься астрономіей, нужно научиться писать буквы и цифры — не будетъ потери времени на поиски ошибокъ. Пишется медленно, и мы успѣваемъ записывать у себя. Этимъ онъ отличался отъ А. Н. Крылова, котораго я уже не засталъ въ Корпусѣ. Объясненій нужно очень немного, т. к. всё логично, точно, ясно. Этотъ, довольно трудный предметъ, мнѣ давался легче, чѣмъ всякій другой, и я мало обращался къ его книгѣ, которая была также идеально составлена, какъ и его лекціи.

Нѣсколько иного направленія былъ кап. 2 р. Н. О. Эссенъ, впослѣдствіи Командующій Балтійскимъ Флотомъ. Онъ читалъ Теорію Девіаціи компасовъ. Это предметъ очень скучный, хотя совершенно необходимый каждому моряку, поэтому требованія Эссена были почти абсолютны.

— „Поставьте мнѣ 10 или 11 баловъ!" — иногда взмолится кто-нибудь къ нему.

— „Я могу поставить вамъ впередъ 12, если хотите, но не выпущу васъ пока вы мнѣ все это не сдадите". — И точка, никакими уловками ничего нельзя было сдѣлать. Для практическихъ занятій у насъ въ нижнемъ этажѣ была спеціальная комната съ вертящимся поломъ и компасомъ, а по стенамъ компасные румбы. Повертѣлись мы въ этой комнатѣ, хватая пеленги и исправляя девіацію!

И еще въ иномъ родѣ, лейтенантъ Вагнеръ, по прозвищу „шишка". Маленькій, юркій, сбивчиво говорившій, онъ читалъ намъ навигацію и лоцію. Предметы описательные, легкіе, но онъ иногда устраивалъ намъ „душегубки", и это всегда устраивалъ какъ можно неожиданнѣе. Онъ влеталъ съ пачкой отлитографированныхъ картъ какого-нибудь куска финскихъ шхеръ, быстро раздавалъ ихъ намъ и, вынувъ свой полухронометръ, диктовалъ: маякъ и компасные пеленги. Нужно было, въ три минуты, исправить пеленги на склоненіе и девіацію и опредѣлить мѣсто корабля. И другія задачи въ томъ же родѣ. Рѣшенія по его знаку отбирались дежурнымъ и черезъ минуту слѣдовала новая задача. Меня эти „душегубки" ни разу не загубили, но были и вопли отчаянія. Задачи эти простыя и легкія были опасны тѣмъ, что второпяхъ нервный человѣкъ иногда путалъ плюсы и минусы. Нужно было научиться дѣлать эти вычисленія не торопясь, но быстро и безошибочно.

Этотъ преподаватель былъ у насъ какимъ-то чужимъ, его не любили, но и не изводили, опасаясь его почему-то. Онъ былъ художникомъ-любителемъ. Его работы портретъ Петра Великаго, весь зеленаго цвѣта, висѣлъ въ нашей портретной галлереѣ.

Вспоминается еще серьезная и молчаливая фигура полковника Безпятова. Онъ руководилъ нашими практическими работами по астрономіи и топографіи въ періодъ пребыванія насъ, уже старшихъ гардемаринъ, на „баржѣ" . . . „Баржа" — это часть

плаванія гардемаринъ посмѣнно для практическихъ занятій. Представьте себѣ огромную баржу, отлично приспособленную для жилья лѣтомъ человѣкъ на пятьдесятъ гардемаринъ, десятка прислуги и каюты для научнаго руководителя. Эту баржу ставили метрахъ въ 25-30 отъ берега и дѣлали трехдосочную сходню на берегъ. Баржу ставили гдѣ нибудь въ шхерахъ, въ хорошо защищенной отъ вѣтра и волненія бухтѣ. Тутъ мы ежедневно занимались астрономическими наблюденіями, съемками береговъ и острововъ, промѣромъ глубинъ и метеорологическими наблюденіями. Это было веселое и самое свободное время, можно было даже заниматься чѣмъ-нибудь для себя или прекрасно воспользоваться лѣтнимъ отдыхомъ. Тамъ я, съ однимъ изъ моихъ товарищей, впервые внимательно прочиталъ „Критику чистаго разума" Канта, — какъ видитъ читатель, времени было достаточно.

* * *

Помню забавный случай, характеризующій полковника Безпятова, какъ человѣка. Обычно, послѣ наблюденій, при возвращеніи со скалъ на баржу по сходнямъ, нѣкоторыя бросались въ море купаться до обѣда. Мѣсто нашей стоянки было безлюдно, и поэтому одѣвались мы такъ легко, какъ это было только возможно: бѣлые штаны, туфли и чехолъ на головѣ — въ такомъ костюмѣ можно было и въ воду бросаться съ большимъ удовольствіемъ послѣ жары въ полдень на скалахъ. Такъ многіе и дѣлали, а иногда и нежелающихъ сталкивали для потѣхи.

Такъ вотъ, однажды, возвращалась наша группа послѣ наблюденій и уже почти вся была на сходнѣ, какъ одному зачѣмъ-то надо было вернуться, и онъ передалъ свою ношу — два ящика съ хронометрами — пріятелю. Этотъ пріятель, какъ сейчасъ помню, Чепурновъ, уже имѣлъ въ рукахъ такихъ же два ящика, такъ что у него обѣ руки были заняты и онъ съ особой осторожностью тащилъ теперь уже довольно тяжелую ношу. Другіе несли секстаны, искусственные горизонты и другія вещи. Полковникъ Безпятовъ шелъ немного впереди Чепурнова и несъ въ портфелѣ гардемаринскія вычисленія. Фигура Чепурнова, старательно и бережно тащившаго четыре ящика съ хронометрами была, очевидно, слишкомъ соблазнительна и вотъ, немного не доходя баржи, кто-то, теперь не помню, ловкимъ пинкомъ швырнулъ его въ море уже на довольно хорошей глубинѣ. И тутъ началась потѣха! „Спасайте Чепурнова!" заорали всѣ и начали бросаться въ море. Но Безпятовъ, увидавъ свои хронометры плавающими на водѣ, закричалъ громче всѣхъ:

— „Къ чорту Чепурнова, спасайте хронометры!" —

Эту команду съ хохотомъ приняли и повторяли на водѣ, и черезъ нѣсколько секундъ всѣ четыре ящика, даже не успѣвшіе хлебнуть воды, были на сходнѣ. . .

Безпятовъ, торопливо открывъ каждый и убѣдившись, что отличная укупорка не пропустила на хронометры воды, спокойно взялъ ихъ и принесъ на баржу, уже не обращая никакого вниманія

на продолжающіеся крики — „Къ чорту Чепурнова!“ и хохотъ всѣхъ купающихся и старающихся утопить злополучнаго Чепурнова.

Если бы хронометры были залиты водой, они уже не годились бы для астрономическихъ наблюденій и, слѣдовательно, пришлось бы ждать нѣсколько дней до присылки другихъ инструментовъ. Да еще нужно было бы доносить по начальству объ этой шалости, т. е. продѣлать скучную переписку. А такъ, за обѣдомъ, Безпятовъ забылъ уже все это и спокойно распредѣлялъ гардемаринъ на съемку.

* * *

Административная часть въ мое время была тоже прекрасно поставлена. Хорошо помню фигуру генералъ-майора Давыдова. Онъ былъ начальникомъ строевой и хозяйственной частей Корпуса. Благодаря ему мы всегда были хорошо одѣты и вкусно накормлены. Примѣрка новыхъ частей обмундированія всегда была въ его присутствіи, и онъ былъ придирчивъ къ портнымъ до тонкости. Ношеніе собственныхъ мундировъ, сколько нибудь отличавшихся отъ казеннаго, у насъ считалось очень дурнымъ тономъ, „писарскимъ шикомъ“, и это потому, что и въ казенномъ мы были хорошо одѣты для своего положенія.

Помню еще нашего ротнаго командира полковника Клеопина. Это былъ воспитатель въ полномъ смыслѣ этого слова. Иногда у насъ нѣкоторые лѣнтяи неудачно сдавали какой-нибудь предметъ, напримѣръ, астрономію. Это отмѣчалось, и такой господинъ оставлялся безъ отпуска для занятій въ Корпусѣ. И вотъ, если „наказанный“ узнаетъ, что полковникъ Клеопинъ обходитъ Корпусъ по дежурству, то строитъ самую унылую рожу и старается попасть на глаза Клеопину.

— „Что это... э-э-э... вы такой печальный, гардемаринъ?“ —

— „Вотъ, оставили для занятій... Неудовлетворительно сдалъ репетицію...“ —

— „Гм.. гм.. А вы не думаете, гардемаринъ... что и безъ всякихъ понужденій вы можете исполнить свой долгъ?“ —

— „О, да, конечно!“ —

— „Такъ одѣвайтесь и уходите, если хотите. Доложите объ этомъ дежурному офицеру...“ —

Конечно, у насъ были, особенно среди воспитателей, дежурныхъ офицеровъ, плохіе или смѣшные люди. Флотъ, для обслуживанія насъ, отдавалъ намъ иногда своихъ негодныхъ, ненужныхъ. Помню лейтенанта Б., мрачнаго, молчаливаго, какъ будто всегда слѣдящаго за нами. Его, кажется, не любили, но онъ былъ нуженъ, дѣлая то, чего другой не сталъ бы дѣлать. Съ нимъ связано мое столкновеніе съ Морскимъ Уставомъ, которое мнѣ, разъ на всегда показало, что флотъ не шутка, а очень серьезное дѣло. Это было во второй учебный годъ, въ плаваніи на „Рындѣ“, старомъ парусномъ крейсерѣ Гвардейскаго экипажа. Командовалъ имъ

капитанъ 2 ранга Бухвостовъ. Мы были уже младшіе гардемарины. Однажды, въ началѣ плаванія четверо гардемаринъ, въ числѣ коихъ былъ я, рѣшили поиграть въ карты. Сейчасъ я совсѣмъ не помню, кто игралъ, но помню, что мы всѣ отлично знали, что игра въ карты на кораблѣ запрещена Морскимъ Уставомъ. Поэтому мы приняли всѣ предосторожности конспираціи и забрались въ ванную комнату. Но мы не успѣли разыграть первой игры, какъ были „накрыты“ лейтенантомъ Б., который плавалъ съ нами въ качествѣ корпусного „воспитателя“. Намъ грозило исключеніе изъ Корпуса, какъ потомъ намъ говорилъ Б., но онъ сдѣлалъ тоже ошибку, поступивъ не по Уставу, и тѣмъ почти анулировалъ нашу отвѣтственность. Онъ, не докладывая командиру, подалъ рапортъ прямо адмиралу, Начальнику Отряда. Это насъ спасло. Кап. 2 р. Бухвостовъ, погибшій въ послѣдствіи въ Цусимскомъ бою, былъ не изъ такихъ, кого можно было игнорировать. Онъ потребовалъ или списанія съ корабля какъ насъ, такъ и Б., или передачи всего дѣла о насъ въ его распоряженіе. Адмиралъ выбралъ второе и мы, рабы Божіи, долго потомъ отсиживали на салингѣ свою вольность, а потомъ были лишены права на нашивки, если по балламъ будемъ унтеръ-офицерами.

Были въ Корпусѣ хоть и недурныя, но смѣшныя фигуры. Помню молодого лейтенанта Б., который, недавно женившись, устроился въ Корпусъ, чтобы не разлучаться съ женой, въ которую былъ ревниво влюбленъ. На этой ревности устраивали цѣлыя комедіи наши „шалуны“ вродѣ графа Толстого. Окна нашей роты выходили на улицу, съ которой былъ подъѣздъ въ офицерскія квартиры. И вотъ, стоило дежурному лейтенанту зайти къ намъ въ роту посмотрѣть за порядкомъ, какъ Толстой, какъ бы не замѣчая дежурнаго офицера и подойдя къ окну, вдругъ вскрикивалъ:

— „Смотрите-ка, смотрите... Опять эта хорошенькая Б. вышла съ какимъ то фертомъ погулять... Да еще какъ торопится... Ха-ха-ха!“ — Этого было достаточно, чтобы бѣдняга лейтенантъ со всѣхъ ногъ бросался изъ роты, вѣроятно, провѣрить наблюденія нашего шута. Кстати, нужно сказать нѣсколько словъ объ этомъ „бичѣ“ всѣхъ, къ кому можно было за что-нибудь привязаться. Однажды одинъ изъ нашихъ бароновъ, отвѣчая Толстому на какую то шутку при одѣваніи, крикнулъ: — „Я въ тебя са-по-гой!“ Баронъ М. тогда еще иногда ошибался въ русской рѣчи. И вотъ Толстой, при помощи своего пріятеля Г., навалился на барона М., загнулъ ему „салазки“, и держалъ такъ, пока М. не произнесъ правильно. И это продѣлывалось еще не разъ потомъ по тому же поводу. Былъ у насъ единственный еврей — крещеный — сынъ приближеннаго къ Государю лейб-медика. Этотъ человѣкъ былъ большой фатъ и любилъ красиво одѣваться, какіе нибудь носочки въ стрѣлочку, какіе нибудь особенные сапожки и т. п.. Впрочемъ, былъ у насъ и еще одинъ

фатъ съ русской фамиліей В.. Такъ вотъ, имъ Толстой не давалъ покоя и однажды съ одного изъ нихъ сбросилъ и сапоги, и носочки, заставивъ побѣгать босикомъ, за что и получилъ отъ нихъ прозвище „хамъ съ громкой фамиліей". Этотъ же Толстой больше всѣхъ издѣвался и надъ „смѣшными" дежурными офицерами, но онъ скоро покинулъ Корпусъ до выпуска.

* * *

Сейчасъ, черезъ полъвѣка, вспоминая всѣ эти черты Морского Корпуса, я задаю себѣ вопросъ: Каковъ же былъ основной недостатокъ нашей прекрасной школы, который не позволялъ выпускать только хорошихъ и знающихъ моряковъ, а снабжалъ иногда флотъ и слабыми, малознающими и вообще неполноцѣнными людьми? Или другой вопросъ: почему иногда даже выдающіеся прекрасные офицеры дѣлали въ критическихъ случаяхъ роковыя ошибки? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я всматриваюсь въ собственную драму. Теперь, черезъ полъвѣка, это не трудно сдѣлать. И вотъ, оглядываясь назадъ, я ясно помню, что во всей той части своего ученія, гдѣ былъ максимумъ теоретическаго и минимумъ практики, я шелъ легко, охотно и быстро, почти безъ лѣни. Любимымъ моимъ предметомъ, который я до конца понималъ и могъ изучать въ любомъ масштабѣ и направленій, была Теорія Корабля, кораблестроительная часть. Между тѣмъ, впослѣдствіи, я пошелъ по строевой части, выбравъ минное дѣло, да и то потому, что оно менѣе шумно и хлопотливо, чѣмъ артиллерійское. Скоро и я самъ выяснилъ, можетъ быть и другіе съ этимъ согласились, что моя служба не въ строю.

Что если и у другихъ или ихъ служебная неудовлетворительность, или, при всѣхъ превосходныхъ качествахъ, ихъ роковыя ошибки происходили оттого, что ихъ дѣятельность не соотвѣтствовала наклонности, характеру и внутреннимъ силамъ?

Конечно, въ этомъ отношеніи Морской корпусъ не отличается отъ другихъ учебныхъ заведеній, гдѣ была бы желательна разсортировка дипломовъ въ зависимости и соотвѣтствіи съ характеристикой человѣка. Корпусъ это могъ дѣлать только на-черно, предположительно, чтобы самъ флотъ впослѣдствіи, въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ, могъ бы лучше опредѣлять человѣка.

Въ дальнѣйшемъ я буду имѣть случай говорить о нѣкоторыхъ ошибкахъ, но эти ошибки были уже роковыми и происхожденіе ихъ нельзя отнести къ недостаткамъ воспитанія въ корпусѣ.

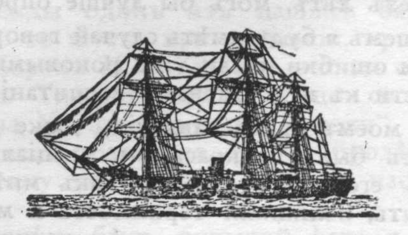
Итакъ, въ моемъ представленіи, даже черезъ полъвѣка, Морской Корпусъ былъ прекраснымъ спеціальнымъ училищемъ и единственнымъ его недостаткомъ, какъ мнѣ кажется сейчасъ, была, можетъ быть, излишняя терпимость и мягкость въ атестаціяхъ. Это была школа, которую всѣ ея питомцы всю жизнь помнили, любили и уважали.

* * *

Всѣ три года я учился хорошо, никогда не имѣлъ отказа въ отпускахъ, никогда не кутилъ, и не только потому, что не имѣлъ на это средствъ, но еще и потому, что ближайшіе мои друзья не были къ этому расположены, хотя и могли бы по своему состоянію. Я всегда старался уклониться отъ всякихъ показныхъ ролей, зная свою внутреннюю застенчивость, отъ которой никогда не могъ отдѣлаться. Я никогда не умѣлъ танцевать и очень рѣдко танцевалъ. На балу по случаю 200-лѣтія Корпуса предполагалось нарядить гардемаринъ во всѣ бывшія за это время формы. Я былъ предназначенъ, но когда это назначеніе какъ-то перемѣнили, я былъ очень обрадованъ. Я не смогъ бы исполнять свою роль хорошо. Послѣ выпускныхъ экзаменовъ я уклонился отъ участія въ похоронахъ Nautical Almanac. Не моряки не знаютъ, что это такое, и я разскажу въ нѣсколькихъ словахъ. Эта книга ежегодно издается обсерваторіей Гринвича для мореплавателей. У насъ эта книга постоянно употреблялась при изученіи астрономіи, т. к. пользоваться ею нужно умѣть каждому моряку. Люди, которымъ трудно давалась астрономія, ненавидѣли эту книгу, какъ кладезь всѣхъ ихъ ошибокъ и вообще всѣхъ своихъ страданій. Поэтому, можетъ быть уже сто лѣтъ тому назадъ, начали торжественно ее хоронить послѣ сдачи послѣдняго экзамена. Послѣ сдачи экзамена первой группой гардемаринъ вывѣшивался бюллетень о заболѣваніи Sir Nautical Almanac. Затѣмъ, по мѣрѣ хода экзаменовъ, его здоровье каждый день ухудшалось и, наконецъ, онъ умиралъ. Хоронили его жрецы въ самыхъ идіотскихъ украшеніяхъ, почетный караулъ былъ въ томъ же родѣ. Хоромъ исполнялисъ совершенно нецензурно-нелѣпыя пѣснопѣнія и подъ нихъ какъ-нибудь уничтожался Nautical Almanac. Потомъ начиналась добрая выпивка, для чего заранѣе заготовлялись ящики всякаго вина. Начальство дѣлало видъ, что ничего не знаетъ, т. к. и само, въ свое время дѣлало тоже самое.

Наконецъ экзамены кончены. Въ Столовомъ залѣ актъ. Великій князь Алексѣй Александровичъ раздалъ аттестаты и мы выпущены въ офицеры.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Князь Я. К. Тумановъ.

Къ Столѣтію Крымской Кампаніи

Около 10-ти лѣтъ тому назадъ, будучи въ командировкѣ въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ Парагвая, я попросилъ проживающихъ тамъ моихъ знакомыхъ дать мнѣ что нибудь почитать на время моего тамъ пребыванія. На эту мою просьбу мнѣ было предложено приложеніе къ французскому журналу „L'Illustration" .... за 1854-й годъ! Можно себѣ представить съ какой жадностью я впился въ пожелтѣвшія страницы журнала, въ то время почти столѣтней давности, когда нашелъ въ нихъ очерки собственнаго корреспондента изъ подъ стѣнъ осажденнаго Севастополя.

Нынѣ, встрѣчая въ русскихъ газетахъ и журналахъ, въ томъ числѣ и въ „Морскихъ Запискахъ" (Статья Е. Двойченко Марковой) статьи, посвященныя знаменательной годовщинѣ, я вспомнилъ кое-что изъ прочитаннаго мною въ журналѣ „L'Illustration" и рѣшилъ разсказать читателямъ „Морскихъ Записокъ" о двухъ вычитанныхъ мною эпизодахъ, разсказанныхъ французскимъ корреспондентомъ.

* * *

Осень 1854 года. Траншеи русскія и французскія, съ соотвѣтствующимъ по тѣмъ временамъ между ними разстояніемъ. Между обѣими траншеями, на небольшой высотѣ, летитъ стая перелетныхъ дикихъ утокъ. Съ обоихъ сторонъ открывается огонь и нѣсколько утокъ падаетъ между русскими и французами. Изъ русскихъ окоповъ поднимается фигура русскаго офицера и направляется, не спѣша, къ тому мѣсту, гдѣ упали утки. Подобравъ ихъ, онъ идетъ къ французамъ, и, подойдя къ ихъ окопу, обращается къ нимъ со слѣдующими словами:

— „Mesieurs, стрѣляли и вы, и мы, и, кому принадлежатъ эти четыре трофея, которые я подобралъ, конечно, неизвѣстно. Поэтому, я считаю, что справедливѣе всего будетъ подѣлить ихъ пополамъ. Получите ваши двѣ утки и, досвиданія ..."

Также спокойно и не спѣша, подъ аплодисменты французовъ, онъ вернулся въ свой окопъ...

* * *

А вотъ другой эпизодъ, разсказанный тѣмъ-же корреспондентомъ. Какъ онъ узналъ о немъ, объ этомъ исторія умалчиваетъ. Вѣроятно, что отъ какого нибудь русскаго же офицера, попавшаго французамъ въ плѣнъ.

Попадаетъ къ русскимъ въ плѣнъ молодой англійскій офицеръ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого непріятнаго для него происшествія, англійскій парламентеръ передаетъ русскимъ почто-

вую корреспонденцію, адресованную англичанамъ въ русскомъ плѣну, среди нея письмо, адресованное упомянутому выше молодому офицеру. Почта, конечно, предварительно, поступаетъ въ русскую цензуру. Полученное англичаниномъ письмо какъ курьезъ, докладывается русскому главнокомандующему Князю Меншикову. Въ немъ, молодая англичанка, возможно невѣста офицера, пишетъ своему жениху, не подозрѣвая еще о приключившейся съ нимъ бѣдѣ, въ числѣ всего прочаго: „Когда ты возьмешь въ плѣнъ русскаго главнокомандующаго Князя Меншикова, не забудь снять съ него что нибудь для меня на память, ну, хотя бы одну пуговицу съ его мундира...“

Прочитавъ письмо, Меншиковъ приказалъ вызвать къ себѣ этого офицера, и, когда тотъ явился, обратился къ нему со слѣдующими словами. — „Вотъ письмо, которое пришло на ваше имя изъ Лондона. Мы его, конечно, прочитали и узнали изъ него, что его авторъ, близкая вамъ особа женскаго пола, очень хотѣла бы, чтобы вы, взявъ меня въ плѣнъ, сняли бы съ моего мундира для нея хотя бы пуговицу. Я не хочу заставлять эту особу ждать, пока меня возьмутъ въ плѣнъ англичане, и, поэтому, вотъ вамъ моя пуговица, чтобы послать ее въ Лондонъ.“

Взявъ ножницы, онъ отрѣзалъ отъ своего мундира пуговицу и протянулъ ее англичанину.

* * * *

Такъ воевали сто лѣтъ тому назадъ. Не правда-ли, какъ странно читать о такихъ эпизодахъ, говорящихъ о человѣческихъ отношеніяхъ между врагами, въ звѣринную эпоху Нюренбергскихъ процессовъ, Дахау, Ліенца, Римини и т. д., т. д.?! Можно ли вообразить себѣ маршала Жукова, снимающаго съ себя пуговицу для плѣннаго нѣмецкаго лейтенанта, или генерала Іодда - для французскаго?

Когда фельдмаршалъ Монтгомери пригласилъ къ себѣ позавтракать какого-то плѣннаго германскаго генерала, и, извѣстіе объ этомъ дошло до Лондона, это событіе вызвало такую бурю негодованія, что достопочтенные джентельмены-члены Палаты Общинъ сдѣлали объ этомъ запросъ правительству въ Парламентѣ.

Старая, хитрая лиса Черчиль ловко выкрутился изъ затруднительнаго положенія. Выслушавъ запросъ джентельменовъ, онъ поднялся на трибуну и, съ типичнымъ англійскимъ юморомъ заявилъ:

„Да, объ этомъ эпизодѣ извѣстно правительству Его Величества... Бѣдный германскій генералъ! Я тоже, однажды, завтракалъ у Монтгомери...“

(Монтгомери — вегетаріанецъ, ярый противникъ всякаго алкоголя и не выноситъ табачнаго дыма).

Библіографическія замѣтки.

Изданный въ 1953 году трудъ А. П. Бѣлоброва, „Мореходная Астрономія“, заслуживаетъ вниманія всѣхъ, интересующихся состояніемъ Мореходной астрономіи въ С. С. С. Р.

Книга эта составлена по трудамъ Г. И. Шульгина, Н. Н. Матусевича, Хлюстина, Сакеллари и нѣкоторыхъ совѣтскихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Каврайскаго, и предназначена служить учебникомъ для океанографовъ и справочникомъ для штурмановъ.

Учебникъ разбитъ на слѣдующіе отдѣлы:

1 — Основныя свѣдѣнія по сферической геометріи и тригонометріи.

2 — Основы сферической астрономіи.

3 — Инструменты-хронометръ, секстанъ, исправленіе высотъ свѣтилъ.

4 — Опредѣленіе мѣста корабля въ морѣ.

5 — Спеціальныя астрономическія задачи:

а — время восхода и захода солнца,

б — продолжительность сумерокъ,

в — таблица азимутовъ Ющенко,

г — таблицы истинныхъ пеленговъ свѣтилъ Юрьева,

д — задачи, связанныя съ луной.

Къ учебнику приложенъ Морской Астрономическій Ежегодникъ на 1955 годъ, называвшійся въ былое время Морской Альманахъ.

Особое вниманіе обращено на анализъ и вычисленіе ошибокъ наблюденій; въ нѣкоторыхъ случаяхъ вычисляется средняя квадратическая ошибка.

Учебникъ изобилуетъ большимъ количествомъ вспомогательныхъ формулъ.

Секстаны, повидимому, примѣняются типа, выпущеннаго Г. Г. У. около 1905 года — дѣленія лимба не гравированы на серебрянной пластинкѣ, а нанесены бѣлой краской. Упомянуты такъ называемые „секстаны съ уровнемъ“ и секстаны - интеграторы („Секстаны - опредѣлители“ - по совѣтской терминологіи), введенные на флотѣ С. Ш. А. Дѣйствіе этихъ секстановъ заключается въ томъ, что за двѣ съ половиной минуты наблюденій секстанъ показываетъ среднюю наблюдаемую высоту и средній моментъ наблюденій.

Упомянутъ также новый приборъ „наклономѣръ Каврайскаго", служащій для измѣренія наклоненія горизонта. Принципъ устройства тотъ же, что и прибора Пульфриха. Цилиндрическая линейка для нахожденія высоты свѣтила и азимута представляетъ собой два цилиндра — внутренній и внѣшній, помѣщенные въ кожухъ съ вырѣзомъ. На кожухѣ нанесены два индекса. На обоихъ цилиндрахъ нанесены спирали, разбитыя на дѣленія согласно формуламъ приведеннымъ въ учебникѣ. При извѣстномъ навыкѣ можно получать вычисленныя высоты и азимуты съ точностью до одной - полуторы минутъ.

Для опредѣленія мѣста корабля въ морѣ А. П. Бѣлобровъ рекомендуетъ слѣдующіе методы:

а — „высотный" — по высотѣ и моменту опредѣляется широта и долгота судна. Для опредѣленія обсервованного мѣста рекомендуется наблюденіе минимумъ двухъ свѣтилъ.

б — „азимутальный" — для опредѣленія обсервованныхъ широты или долготы, по высотѣ и моменту. При этомъ азимутъ берется по компасу.

в — „высотно - азимутальный" — опредѣленіе обсервованнаго мѣста корабля по высотѣ, моменту и пеленгу свѣтила.

По утвержденію автора способы „б" и „в" найдутъ примѣненіе, когда техника найдетъ способы построить болѣе точные пеленгаторы. Трудно сказать, въ чемъ заключается выигрышъ во времени и точности при примѣненіи вышеупомянутыхъ методовъ „б" и „в".

Въ учебникѣ не упоминаются вовсѣ Мореходныя таблицы, упоминаемыя въ ранѣе изданныхъ учебникахъ по мореходной астрономіи, ни способъ опредѣленія долготы по соотвѣтствующимъ высотамъ свѣтилъ, опущенъ приборъ Вилькицкаго для опредѣленія широты по близмеридіональнымъ высотамъ солнца.

Дано очень приблизительное описаніе прибора „Вега" для опредѣленія высоты и азимута свѣтила. Приборъ построенъ на принципѣ планисферы Каврайскаго. Съ помощью двухъ микроскоповъ точность наблюденія около одной минуты дуги.

Въ общемъ, учебникъ составленъ удовлетворительно, но крайне неровно — часть математическая грѣшитъ излишними подробностями, а практическая составлена слишкомъ кратко. Описаніе инструментовъ ниже всякой критики — видимо подробности засекречены.

Сообщилъ: А. М. Чернушевичъ.

П. А. В.

„Weyers Flotten Taschenbuch“ и Совѣтскій Флотъ.

Недавно вышло новое изданіе извѣстнаго нѣмецкаго справочника: „Weyers Flotten Taschenbuch“ на 1954-55 г. г , исправленнаго по 30 ноября 1954 г.

Съ каждымъ годомъ эта „карманная“ книжка толстѣетъ, и въ этомъ году содержитъ уже 348 стр. мелкаго шрифта и около 1000 фотографій и чертежей, сдѣланныхъ извѣстнымъ нѣмецкимъ, историкомъ E. Gröner.

О всѣхъ странахъ міра, даже самыхъ маленькихъ, Weyers даетъ исчерпывающія данныя и сообщаетъ много новаго. Но что касается совѣтскаго флота, редакторъ A. Bredt предупреждаетъ читателей, что, по понятнымъ причинамъ, приводимыя свѣдѣнія нельзя считать полными и вполнѣ точными. Съ чисто нѣмецкой аккуратностью A. Bredt, не завися ни отъ какихъ Адмиралтействъ и нужной тѣмъ или другимъ пропаганды, собираетъ всѣ данныя о совѣтскихъ корабляхъ и, откидывая въ сторону фантастическія сообщенія и погоню за сенсаціей, приводитъ лишь провѣренныя или правдоподобныя свѣдѣнія. Новые корабли „Taschenbuch” регистрируетъ лишь когда ихъ существованіе вполнѣ доказано и по этой причинѣ приведенный имъ списокъ, касающійся, главнымъ образомъ, подводныхъ лодокъ и другихъ мелкихъ кораблей, надо считать далеко не полнымъ, ибо, естественно, они появляются въ немъ съ опозданіемъ. Но все же можно считать, что данный „Taschenbuch’ омъ“ списокъ совѣтскаго флота больше другихъ приближается къ истинѣ. Въ немъ нѣтъ указаній на существованіе „линкоровъ-невидимокъ“, о которыхъ сообщалось въ U. S. Naval Institute Proceedings со словъ нѣкоего R. Lusar, не въ первый разъ находящаго, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ, корабли, о которыхъ никто ничего не знаетъ. Дѣйствительно, возможно ли предположить, чтобы въ „Маркизовой лужѣ“ уже съ 1952 года плавало два-три громадныхъ линкора и нѣсколько авіаносцевъ съ ихъ характерными силуэтами, безъ того чтобы одно изъ многихъ коммерческихъ судовъ, пересѣкающихъ Финскій заливъ ихъ не увидало! Не считая пароходовъ, посѣщающихъ совѣтскіе порты, лѣтомъ 1954 г. Ленинградъ посѣтила шведская эскадра и кромѣ крейсеровъ ни тамъ, ни въ Кронштадтѣ, другихъ крупныхъ судовъ не наблюдала. Возможно, (но зачѣмъ имъ тамъ быть?) что новые линейные корабли прячутся въ Черномъ морѣ, но въ Сѣверномъ флотѣ ихъ также, видимо, нѣтъ, т. к. до сихъ поръ этотъ флотъ усиливался крупными судами, исключительно выходившими изъ Балтійскаго моря и которые не могутъ пройти проливы

незамѣченными. Несмотря на болѣе 15-ти лѣтнюю давность, о судостроительной верфи въ Молотовскѣ (у Архангельска), нѣтъ свѣдѣній, о томъ что эта верфь построила хотя бы одинъ крупный пароходъ! Очевидно это лишь судоремонтная база и стапеля для мелкихъ кораблей. Также мало вѣроятно, чтобы линкоры могли бы быть построены въ Комсомольскѣ и спущены затѣмъ по рѣкѣ Амуръ до Тихаго океана. Абсурдно, конечно предполагать, что совѣтскіе адмиралы, боясь шпіоновъ, держатъ свои линейныя силы въ Ладожскомъ озерѣ! Какая можетъ быть цѣна личнаго состава такого флота?

Нельзя ручаться, что въ будущемъ на моряхъ не появятся совѣтскіе линейные линкоры и авіаносцы, которые могут быть въ постройкѣ (но не на Невѣ, гдѣ ихъ видѣли бы), но сейчасъ можно вѣрить Weyers, что въ Балтикѣ находится лишь одна „Октябрьская Революція“, (б. „Гангутъ“), а въ Черномъ морѣ старый „Севастополь“ и бывшій итальянецъ — „Новороссійскъ“. Очевидно, что заложенные до войны и устарѣвшіе на стапеляхъ линкоры было рѣшено не достраивать и они были разломаны на желѣзо, т. к. на Невѣ ихъ больше не видно, а „Совѣтская Бессарабія“, въ Николаевѣ, кромѣ того, была взорвана при эвакуаціи города совѣтскими войсками, и потомъ, вторично, нѣмцами.

Если бы совѣтскій Морской Генеральный Штабъ нашелъ нужнымъ въ составѣ своего флота имѣть линейные авіаносцы и линкоры, они, конечно, давно были бы построены и, очевидно, тутъ подходъ къ дѣлу иной. Не видя на моряхъ линейныхъ судовъ, можно предположить, что совѣтскій флотъ принялъ иную доктрину, которую не такъ трудно понять.

Современное боевое соединеніе: линейный авіаносецъ - линкоръ (Task forse) предназначенное для наступательныхъ дѣйствій, интересно лишь какъ приближеніе базы авіаціи къ объектамъ противника. Для этой цѣли оно должно имѣть **свободный выходъ изъ своихъ базъ** на океанскіе просторы для подхода къ берегамъ противника. Ни въ Черномъ морѣ, ни въ Балтійскомъ, (даже если флоты этихъ морей пройдутъ Средиземное и Нѣмецкое моря), этихъ условій не имѣется, такъ какъ и здѣсь они будутъ окружены вражескими береговыми аэродромами и далеко не уйдутъ. Японское море закрыто японскими островами, но здѣсь можетъ быть дорога черезъ Охотское море, мимо, ставшихъ совѣтскими, Курильскихъ острововъ. Но углубленъ ли Татарскій проливъ между Сахалиномъ и материкомъ, про который даже кто-то писалъ, что его совсѣмъ закрыли дамбой? Въ Охотскомъ морѣ врядъ ли есть крупная военно-морская база, обуславливающая дѣленіе Тихоокеанскаго флота по образцу войны 1904 г. на двѣ эскадры.

Остается еще Мурманскъ, но дорога изъ него въ океанъ проходитъ мимо Исландіи и какъ показалъ опытъ нѣмецкихъ кораблей, выходъ возможенъ лишь съ боемъ и далеко не безопа-

сенъ, такъ какъ ко времени подхода совѣтской эскадры къ Датскому проливу между Исландіей и Гренландіей, здѣсь будутъ уже сосредоточены всѣ силы противника. Конечно, при удачѣ, отдѣльные крейсера, не говоря о подводныхъ лодкахъ, пройти здѣсь могутъ, но не нужно забывать и о возвращеніи въ базу.

Исходя изъ этого, можно предположить, что совѣтскій морской штабъ не находитъ нужнымъ — пока ключи къ дверямъ въ океанъ не находятся въ его рукахъ — имѣть въ составѣ флота линейныя силы. Ясно, что при дальности дѣйствія современной авіаціи, примѣненіе линейныхъ авіаносцевъ въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ не раціонально, бомбардировки же береговъ могутъ съ успѣхомъ производиться старыми линкорами и, во всякомъ случаѣ, для этого не имѣетъ смысла строить океанскихъ великановъ.

Очевидно, развитіе совѣтскихъ морскихъ силъ идетъ по линіи подводныхъ лодокъ, крейсеровъ и противолодочныхъ судовъ (миноносцевъ), послѣдніе предназначены для охраны своего судоходства и скрытыхъ атакъ на подошедшія въ районъ ихъ дѣйствій крупныя суда противника. Послѣднее доказывается тѣмъ, что, въ отличіе отъ англосаксовъ, совѣтскіе миноносцы и крейсера имѣютъ сильное торпедное вооруженіе. Послѣдній извѣстный типъ миноносцевъ*) — въ 1900 т. „Суровый", „Серьезный", бывшіе въ 1954 г. заграницей, имѣютъ по 10 аппаратовъ. Крейсера типа „Свердловъ" имѣютъ то же количество.

Между прочимъ, вооруженіе этихъ, по всѣмъ видимымъ качествамъ отличныхъ крейсеровъ въ 15.000 тоннъ, вызываетъ нѣкоторыя размышленія на страницахъ бельгійскаго журнала „Wandelaer et Sur l'Eau". Авторъ статьи обращаетъ вниманіе на фактъ, что башенныя амбразуры (4 башни по 3-15 см. орудія) не позволяютъ пользоваться этими орудіями для противовоздушной обороны. Такимъ образомъ, для отраженія воздушныхъ атакъ они имѣютъ лишь 12-10 см. орудій и 32-37 мм. автоматическія пушки. Иначе говоря, ихъ дальняя противовоздушная артиллерійская оборона слабѣе американскихъ и англійскихъ крейсеровъ. Изъ этого авторъ дѣлаетъ выводъ, что противовоздушная оборона служитъ лишь для самозащиты и крейсера типа „Свердловъ" предназначены для морского боя, тогда какъ англо-саксонскіе должны служить больше для конвоированія либо авіаносцевъ, либо коммерческихъ судовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, большой радіусъ дѣйствій „Свердлова" (8.000 миль 20 узл. и 34 узловой полный ходъ), дѣлаютъ ихъ хорошими корсарами.

---

*) — Лѣтомъ 1954 г. въ Балтійскомъ морѣ появился еще новый типъ большихъ гладкопалубныхъ (flush deck) миноносцевъ, вооруженіе которыхъ пока не извѣстно.

* * *

М. Г. Г-нъ Редакторъ,

Прочтя съ большимъ интересомъ статью С. А. Шрамченко „Гардемарины Флота“ („Морскія Записки“, Томъ XII. № 1.), я хотѣлъ бы добавить къ ней нижеслѣдующую замѣтку.

Въ январьскихъ номерахъ 1917 года „Новаго Времени“ (т. е. до революціи) было опубликовано объявленіе:

„Главный Морской Штабъ оповѣщаетъ, что открыты краткосрочные курсы для подготовки офицеровъ флота - мичмановъ въ 5-ти мѣсячный срокъ, и инженеръ - механниковъ (мичмановъ) въ 3-хъ мѣсячный. Подавать прошеніе могутъ лица, христіанскаго вѣроисповѣданія, обладающіе высшимъ учебнымъ образованіемъ“.

Изъ этого объявленія явствуетъ, что офицеры флота (мичманы) могли быть выпущены изъ новыхъ курсовъ, помимо „Курсовъ Гардемаринъ Флота“, о которыхъ пишетъ С. А. Шрамченко, хотя возможно, что эти „Курсы“ идентичны съ курсами выпуска С. А. Шрамченко. Было бы интересно развить это предположеніе и, такимъ образомъ, внести дополненіе къ исторіи Россійскаго Императорскаго Флота до революціи 1917 г.

Уважающій Васъ,

А. Тарсаидзе.

ИЗДАНІЯ

исторической комиссіи общества офицеровъ россійскаго императорскаго флота въ Америкѣ

ИМѢЮЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ ДЛЯ ПРОДАЖИ:

Цѣны съ пересылкой.

1. „Съ береговъ Америки". Юбилейный историческій сборникъ О-ва Р. М. О. А., 1923-1938 . . . . . 3.50
2. „Морскія Записки", томъ I, 1943—распроданъ
3. „Морскія Записки", томъ II, 1944 . . . . 4.00
4. „Морскія Записки", томъ III, 1945 . . . . 4.00
5. „Морскія Записки", томъ IV, 1946—отдѣльные номера только
6. „Морскія Записки", томъ V, 1947 . . . . 4.00
7. „Морскія Записки", томъ VI, 1948—распроданъ
8. „Морскія Записки", томъ VII, 1949—распроданъ
9. „Морскія Записки", томъ VIII, 1950 . . . . . . 4.00
10. „Морскія Записки", томъ IX, 1951—осталось лишь нѣсколько номеровъ
11. „Морскія Записки", томъ X, 1952 . . . . 4.00
12. „Морскія Записки", томъ XI, 1953 . . . . 3.00
13. „Морскія Записки", томъ XII, 1954. . . . . . . 3.00
14. „Юбилейный выпускъ", къ 20-лѣтію О. б. Р. О. А 1923-1943. . . . . 1.50
15. „Морской Корпусъ за четверть вѣка" А. Тарсаидзе, 1925 . . . . 1.50
16. „Описаніе дѣйствій Гвард. Экипажа на сушѣ и морѣ въ войну 1914-1917". Ст. лейт. баронъ Г. Н. Таубе. 0.50
17. „Колыбель Флота"—1701-1951 г. Къ 250-ти лѣтію со дня основанія школы математическихъ и навигаціонныхъ наукъ. 3.65

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на „МОРСКІЯ ЗАПИСКИ" на 1955 г.
Цѣна $3.00 съ пересылкой.

Наборъ и печать типографіи «Монастырская печать». Санъ Пауло.
Impr. "Monastery Press". São Paulo. Brasil.

